

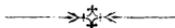
ЗАПИСКИ
ВОСТОЧНАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
РУССКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Основаны барономъ **В. Р. Розеномъ.**

—
ТОМЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

1909.

(съ приложеніемъ одной таблицы).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лпн., № 12.

1910.

ІОАННЪ ПЕТРИЦСКІЙ,

ГРУЗИНСКІЙ НЕОПЛАТОНИКЪ XI—XII ВѢКА ¹⁾.

Іоаннъ Петриці или Петриціонели, т. е. Петрицскій въ древне-грузинской литературѣ крупное имя: онъ пользуется славою великаго грузинскаго философа. Но до сихъ поръ неизвѣстно, на чемъ собственно основана эта слава. У непредубѣжденнаго изслѣдователя закрадывается сомнѣніе касательно ея основательности. Можетъ возникнуть вопросъ, не плодъ ли она національной мегаломаніи, которая маленькимъ народамъ, по замѣчанію Гутшмида, свойственна еще болѣе, чѣмъ большимъ.

Правда, сохранились литературныя произведенія Іоанна, въ числѣ ихъ и философскія, но къ нимъ близко не подходили изслѣдователи грузинской литературы; быть можетъ потому, что этихъ изслѣдователей черезчуръ немного; быть можетъ вина въ той скукѣ, которую способны нагнать на современнаго читателя писанія петрицскаго философа. Въ нихъ очень мало не только увлекательнаго, но хотя бы легкаго для пониманія; потому-то и тѣ, которые обращали вниманіе на нашего автора, больше интересовались его именемъ, чѣмъ его произведеніями. Къ тому-же они пока доступны лишь въ рукописяхъ. И, дѣйствительно, прозвище «Петриці» или «Петриціонели» смущало всѣхъ, и по этому вопросу существуегъ своего рода литература ²⁾.

Прозвище, несомнѣнно, возникло отъ названія монастыря въ Петрицѣ—Петрицонитиссы, позднѣе *Петрициѡτισσα*. Монастырь именовался такъ, по всей видимости, по первоначальному названію села Бачкова въ Македоніи: Петрици-ось ³⁾. Такому объясненію прозвища отнюдь не мѣшало бы то,

1) Докладъ читанъ въ засѣданіи Восточнаго отдѣленія Имп. Русск. Археолог. общества 26 октября 1906 г.

2) Правильное толкованіе дано проф. Цагарели, *Сводный о памятникахъ грузинской письменности*, т. I, вып. III, Спб. 1894, стр. XII; противъ такого толкованія напрасно ополчился Ѳ. Жорданія, *Грузинскіе древности*, II, стр. 155, а также 76.

3) Louis Petit, *Topikón de Grégoire Pacourianos pour le monastère de Pétritzos (Bachkovo) en Bulgarie* (Визант. времен., XI (1904), приложение № 1), стр. XXI.

что въ міру нашъ Іоаннъ дѣйствительно былъ или назывался Патрикомъ¹⁾. Но тотъ «Іоаннъ, бывшій Патрикомъ», о которомъ говоритъ Ѳ. Жорданія, совсѣмъ иное лицо²⁾. Монастырь Петридонитиссы былъ основанъ или, пожалуй, правилнѣе, возобновленъ и расширенъ въ 1083 г. Григоріемъ Бакуріаномъ, извѣстнымъ византійскимъ государственнымъ дѣятелемъ, происходившимъ изъ Грузіи, собственно изъ огузинившагося по религій армянскаго знатнаго рода³⁾.

Теперь установлено, что какъ самъ основатель Петрипской обители Григорій Бакуріанъ, такъ часть ея братья, представляли армянь-халкедонитовъ, притомъ—той категоріи, которая примкнула къ грузинской церкви. Затѣмъ мы знаемъ, что доступъ грекамъ въ число братьи былъ закрытъ 24-ю статьею устава, принадлежащаго перу самого основателя Григорія Бакуріана, изъ прочихъ же народовъ въ монастырь могли приниматься всѣ православные «монашествующіе, знающіе грузинское письмо и языкъ». Одновременно съ основаніемъ при монастырѣ была учреждена семинарія: 31-ая статья устава озаглавлена (стр. 50, 17—18) —

Περὶ τῶν νεογῶν παιδίων, ἐν οἷς ὀφείλουσι διάγειν καὶ ἀνατρέφασθαι καὶ τὰ ἱερά γράμματα ἐκπαίδευσθαι.

О безбородыхъ отрокахъ, какъ они должны проводить жизнь, воспитываться и изучать священное Писаніе.

Изъ этой статьи цитую части, относящіяся къ самой семинаріи (стр. 50, 19—25, 50, 32—51, 9):

Διωρίσθησαν τὰ τοιαῦτα μετράκια παρ' ἡμῶν εἰς τὸ μοναστήριον τοῦ ἁγίου Νικολάου, τὸ πλησίον τοῦ κάστρου ὄν, μένειν τε καὶ διατρέφασθαι καὶ μαθη-

Опредѣлено нами помѣщать таковыхъ отроковъ въ монастырь св. Николая, близъ лагеря (или крѣпости), чтобы они тамъ оставались, вскармли-

1) Ѳ. Жорданія, ц. м.

2) Каталогъ Антоній, *წიგნილი სიტყუიბაჲ, ქმნილი ძნტობისეკან ზნტუნქლას კათოლიკოს-პატრიარსისსი უკულის სიპატრიქლოზის*, изд. Пл. Гюселіани, Тифлисъ, 1853, 725—726. Кстати въ связкѣ нѣсколькихъ грузинскихъ рукописей за № 160, хранящейся въ Азіатскомъ музеѣ, имѣется тетрадь обыкновеннаго формата новѣйшаго военнаго письма, и въ ней на стр. 19—20 помѣщена историко-литературная справка, озаглавленная такъ: *ესა მოკუბსქუროთ პეტქლას ქანთუქქლას ჰანტუნქლას თქლას წიგნთა მანათა და შეცნიერთა მომელთაც კარბოლავს ეკლესიურადამ სე სეჲთა წიგნილი და სპეკულაციონი წიგნილი აძის უპოთმეო ო დრევიჲს გრუიკიკიჲს პერეობიკიკიჲს, სვთიკიჲს თიკიკიჲს ო უციკიკიჲს, კორე პერეოკიკი სე გრესკიკო ნოლითუო სვთენიო (ბუკ.: ბოჰესთენიო) ტიკანიე ო ცერკოვიჲს კიკიი*. И въ этой справкѣ или памятной запискѣ на 5-мъ мѣстѣ названъ Іоаннъ, бывшій Патрикомъ, философъ, прозванный Петрицъ и (თანეჲ) პეტრიქ უკუჯილი უკლასოქის სიტუქსიჲ შეჲ წიგნიკიკი: про него сообщается, что онъ имѣлъ съ какимъ-то Стефаномъ жилъ въ 1069-мъ году во время царя Баграта [1027—1072], сына Георгія. Не впасть ли и авторъ этой записки въ такую же ошибку, какъ и Ѳ. Жорданія?

3) Н. Марръ, *Архангелъ, момольское название христіанъ въ связи съ вопросомъ объ армянахъ-халкедонитахъ*, Визант. времен., 1905, XII, отд. I, стр. 17 сл.

τεύεσθαι, ἐν ᾧ καὶ γηραιόν τινα τῶν ἱερέων, ἀρετῆς τε καὶ γνώσεως ἐμπλεῶν, ἐπιστάτην αὐτῶν καὶ διδάσκειν αὐτούς τὰ ἱερά γράμματα, πρὸς δὲ καὶ ἱεουργεῖν τῷ πανσέπτῳ ναῷ τοῦ ἁγίου Νικολάου· λαμβανέτω δὲ ὁ τοιοῦτος τὴν τε ρόγαν καὶ πᾶσαν τὴν χρεῖαν αὐτοῦ ἀνελλιπῶς κατὰ τοὺς ἐν τῇ μεγάλῃ μονῇ ἀδελφοὺς τοῦ ἑαυτοῦ τάγματος. . . .

. . . μαθητευθήτωσαν δὲ ἐκ τῶν εἰρημένων παιδῶν παρὰ τῷ δηλωθέντι γηραιῷ ἱερεὶ παῖδες τὸν ἀριθμὸν ἕξ, λαμβάνοντες ἀπὸ τῆς μεγάλης μονῆς τὰς διατροφὰς αὐτῶν καὶ τὰ παν(стр. 51)-τοῖα ἐνδύματα κατὰ τὸ ἀρμόδιον, καὶ ἔστωσαν ἐκεῖσε, ἕως οὗ τελείως μάθωσι καὶ φθάσωσιν εἰς τὰξιν ἱερατείας· τῆνικαῦτα δέ, ὅτε καὶ τὰς γενειάδας αὐτῶν ἀφήσωσιν, οἱ ἀρμόζοντες ἐλθεῖν εἰς βαθμὸν ἱερωσύνης, οὗτοι κατὰ τὸν νόμον ταχθήτωσαν ἐν τῇ μονῇ τοῦ μετὰ τῶν λοιπῶν ἱερέων ἱεουργεῖν, ἅν μὴ ἐλλειπῆς ἢ ὁ τῶν ἱερέων ὠρισμένος χορὸς, λαμβανέτωσαν δὲ ἀνελλιπῶς πάντα εἴ τι καὶ ὅσα οἱ πρῶτοι ἱεουργοῦντες λαμβάνουσιν· οἱ δὲ μὴ ὄντες ἄξιοι τῆς ἱερωσύνης παντελῶς ἐξωσθήτωσαν ὡς αἱτίοι τούτου αὐτοὶ ἑαυτοῖς γενόμενοι· πλὴν ὁ ἕξ ἀριθμὸς τῶν μαθητευομένων παιδῶν ἐν τῷ ναῷ τοῦ ἁγίου Νικολάου μηδამῶς ἐλλεπέτω.

вались и учились, при чемъ какой либо старецъ изъ иереевъ, полный добродѣтели и знанія, будетъ наставникомъ ихъ и будетъ учить священному Писанию; кромѣ того, тотъ же старецъ долженъ священнодѣйствовать во всецтимомъ храмѣ св. Николая. Дневное пропитаніе и все потребное для него пусть получаетъ онъ постоянно сообразно съ тѣмъ, какъ получаетъ братъ того же чина въ большомъ монастырѣ. . . .

. . . Изъ названныхъ отроковъ у упомянутаго старца іерея пусть учатся шесть мальчиковъ, получая изъ большого монастыря питаніе и всякаго рода одѣянія соотвѣтственно надобности. И пусть они остаются тамъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не выучатся и не достигнутъ священническаго чина. А затѣмъ, когда отпустить они бороды, достойный занять санъ священства пусть назначается по закону въ монастырѣ вмѣстѣ съ другими іереями священнодѣйствовать, хотя бы положенный сонмъ иереевъ былъ полонъ, и да получаетъ непрерывно все, что получаютъ первые за священнодѣйствіе. Недостойные же священства должны быть изгнаны совершенно, вина себя самихъ за это, но число шести учащихся отроковъ при храмѣ св. Николая ни въ какомъ случаѣ не должно быть уменьшено.

Издатель типика, ассомпционистъ Louis Petit, по этому поводу замѣчаетъ: «мы имѣемъ здѣсь крайне рѣдкій, если не единственный примѣръ функціонирования въ Византіи семинаріи въ новѣйшемъ смыслѣ этого

слова)¹⁾. Но о. Louis забываетъ отмѣтить, что и въ этой византійской семинаріи для насъ болѣе всего своеобразно обученіе грузинскому языку и преподаваніе если не всѣхъ, то части предметовъ на грузинскомъ языкѣ. Эта любопытная черта не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, такъ какъ семинарія готовила по приведенному параграфу устава іеромонаховъ для главнаго монастыря, куда доступъ былъ открытъ по другому параграфу того же устава лишь лицамъ, «звующимъ грузинское письмо и языкъ».

Монастырю съ этою своеобразною средою и обязанъ грузинскій писатель Іоаннъ прежде всего извѣстнымъ уже намъ прозвищемъ «Петрицїи» (звали его и Чимчимели²⁾). Въ томъ же монастырѣ работалъ Іоаннъ, вѣроятно, и надъ частью своихъ трудовъ, переводовъ съ греческаго. Пока извѣстны слѣдующіе его труды —

1) *Толкованіе Евангелія Марка*, сочиненіе І. Златоуста (рукописи Церковнаго музея грузинскаго экзархата № 102³⁾ и Общества распространія грамотности № 404)⁴⁾.

2) *Толкованіе Евангелія Луки* (рп. Церковнаго музея грузинскаго экзархата №№ 113 и 284⁵⁾ и Общества распространія грамотности № 3625)⁶⁾.

3) *Лествица* Іоанна Синаита, въ стихахъ, часть прозою⁷⁾.

4) *Прологъ*, краткія гѣсногѣнія въ стихахъ въ честь святыхъ за мѣсяцы сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь и январь⁸⁾.

5) Книга Іосифа Флавія (въ рукописи Общества распространія грамотности № 332 сохранился трудъ Іоанна подъ заглавіемъ: *ოცნობის ფაქციონის სწავთხმნისნი ადგილნი სჯამბოთის წებოდისათხან* *Мѣста (изъ) Іосифа Флавія, несогласныя съ священнымъ Писаніемъ*⁹⁾).

6) *Τὰ τοπικά* Аристотеля,

7) *Περὶ ἐπιμνησείας* Аристотеля¹⁰⁾.

1) ц. с., стр. XV.

2) Чимчимели значить *небесный*. Последнее прозвище иногда искажаютъ въ Чирчимели, если это не названіе иного писателя, см. *Грузинскія мѣтоси*, списокъ царицы Маріи, изд. Е. Такайшвили, стр. 535, ср. Θ. Жорданія, *ქრონიკები*, I, стр. 301—302.

3) Θ. Жорданія, *Описаніе рукописей Церковнаго музея грузинскаго экзархата*, I, стр. 120.

4) Д. Каричашвили, *კატალოგი ქრთველთა შობის წებაკათისვის ეპისკოპოსუბელის სწავლობების წებობისა*, Тифлисъ 1905, стр. 22.

5) Θ. Жорданія, *Описаніе*, стр. 126, 287.

6) Д. Каричашвили, *კატალოგი*, стр. 12.

7) Па. Иоселіани въ *წიგლისტყუარობა*, 731, примѣч.

8) См. Н. Марръ, *Дьялія Спесисиа, Еласиа и Меласиа*, Зап. Вост. отд. Имп. Русск. Археол. Общ., т. XVII (1906), Спб. 1907, стр. 291.

9) Д. Каричашвили, *კატალოგი*, стр. 30.

10) Переводъ Іоанна Петрицкаго съ греческаго считается утраченнымъ; внослѣдствіи Досіеѣй Некресскій перевелъ тотъ же трудъ съ армянскаго, см. Па. Иоселіани, ц. с., тамъ же.

скомъ мірѣ, а на Западѣ вошелъ существенно своею частью въ основаніе мѣстной, т. е. европейской схоластики.

О значеніи того же памятника на Востокѣ, надо думать, можно было бы сказать больше, чѣмъ мнѣ удастся сообщить, если подобные вопросы подвергались бы такой же детальной разработкѣ въ интересахъ самостоятельной, не традиціонной концепціи культурной жизни Востока, особенно христіанскаго Востока, какъ это дѣлается на Западѣ въ интересахъ реальной исторіи европейской мысли и жизни. Пока извѣстно лишь, что памятникъ нашъ существовалъ на арабскомъ языкѣ въ сокращенномъ видѣ.

Извѣстнымъ казался со времени La Croze'a полный арабскій переводъ этого сочиненія¹⁾: со словъ La Croze'a его склоненъ былъ усматривать Creuzer, издатель *Initia philosophiae ac theologiae ex platonis fontibus ducta* (ч. III, стр. XVI—XVII), п въ «*Ketab thoulougia. Livre de la théologie. . . un ouvrage de Proclus, philosophe platonicien, traduit du grec en arabe*», упоминаемомъ Herbelot въ *Bibliothèque orientale* (Гаага 1777, стр. 381).

Но эти вѣншія бібліографическія показанія въ пользу существованія арабскаго перевода *Στοιχειώσις* Прокла были подвергнуты сомнѣнію Vardenhewer'омъ²⁾. Vardenhewer впрочемъ допускалъ существованіе арабскаго перевода *Στοιχειώσις*, но только на томъ основаніи, что оно требуется наличіемъ арабскаго самостоятельно обработаннаго извлеченія (стр. 47 сл.). Арабское извлеченіе изъ Проклова сочиненія *Στοιχειώσις* или *Богословскія начала* существуетъ подъ заглавіемъ *Разясненіе чистаго добра* Аристотеля. Любопытно отмѣтить, что въ арабскомъ текстѣ, дошедшемъ до насъ въ рукописи отъ 8-го ноября 1197-го года по Р. Хр., редакторъ съ строгою послѣдовательностью избѣгаетъ выраженій учебника, отзывающихся политеизмомъ, такъ напр. послѣдовательно избѣгаетъ онъ выраженій «боги», «тѣ боги», «какой-либо богъ», «каждый богъ», даже «все божественное»³⁾.

Эту сокращенную арабскую обработку Vardenhewer относитъ къ IX-му вѣку, но лишь предположительно, на основаніи общихъ соображеній⁴⁾.

Латинскій его переводъ, непосредственно съ арабскаго, былъ сдѣланъ въ Толедо священникомъ Герардомъ (Gerhard) изъ Кремоны, который умеръ въ 1187 году⁵⁾. Латинскій переводъ Герарда страдаетъ многими недочетами; обиліе арабизмовъ его часто дѣлаетъ непонятнымъ⁶⁾.

1) *Thesaurus epistolicus Lacrozianus*, Лейпцигъ 1746, т. III, стр. 126.

2) *Die pseudo-aristotelische Schrift über das reine Gute bekannt unter dem Namen Liber de causis*, Фрейбургъ 1882, стр. 41—47.

3) Vardenhewer, ц. с., стр. 14.

4) и. с., стр. 53.

5) Vardenhewer, ц. с., стр. 51.

6) Vardenhewer, ц. с., стр. 148—149.

Тѣмъ не менѣе, этотъ искаженный переводъ сокращеннаго арабскаго изложенія Проклова учебника, извѣстный подъ названіемъ *Liber de causis*, сыгралъ весьма значительную роль въ развитіи схоластики на Западѣ¹⁾. Онъ получилъ распространеніе уже съ XII-го вѣка и былъ не разъ комментированъ²⁾. Фома Аквинскій, «представитель высшаго пункта христіанскаго умозрѣнія въ средніе вѣка» въ Европѣ, удѣлялъ *Книгѣ о причинахъ*, также комментированной имъ, большое вниманіе, писалъ часто съ воспоминаніями начитанности въ пей, и если и не попадалъ вполнѣ ея вліянію, какъ предполагалось раньше, то всегда считался съ нею³⁾.

Одно время думали, и къ этому мнѣнію примыкалъ между прочимъ Ренаитъ, что запрещеніе Парижскаго собора около 1210 года — *nes libri Aristotelis de naturali philosophia nes commenta legantur Parisiis publice vel secreto* — касалось именно нашей книги, но специальное изслѣдованіе этой стороны дѣла Vardenhewer'омъ⁴⁾ обнаружило недоказанность этого положенія, — по крайней мѣрѣ формальную его недоказанность. И, дѣйствительно, арабская, какъ было указано, цензурованная обработка Проклова учебника, казалось бы, гарантировала этой книгѣ свободное обращеніе въ наиболѣе строгихъ кругахъ. Но Vardenhewer отмѣчаетъ, что Фома Аквинскій своеобразно пользовался *Книгою о причинахъ*, хотя и хорошо понималъ мысли ея автора. Онъ не только отрицалъ нѣкоторыя его положенія, но признавалъ ихъ еретическими⁵⁾, такъ напр. Фома Аквинскій на вопросъ *utrum creare concipiat aliis quam deo подобаетъ ли быть творцомъ кому-либо кромѣ Бога*, отвѣчаетъ утвердительно⁶⁾, ссылаясь на одно изреченіе Платона и *Liber de causis* (§ 3):

creata est anima mediante intelli- душа создана при посредствѣ разума.
gentia.

Одно толкованіе (*solutio*) Фомы, какъ указалъ Vardenhewer, содержитъ слѣдующія строки:

quidam philosophi posuerunt quod нѣкоторые философы предположили,
a prima causa immediate est unum что первую причинною безъ посредника было создано (причинено) единое первое, которымъ вполнѣ
primum causatum, a quo postmodum нника было создано (причинено) единое первое, которымъ вполнѣ
sunt alia, et sic deinceps; unde ро- ное первое, которымъ вполнѣ

1) О значеніи для Европы этой книги, признаннаго на Западѣ «авторитета въ свѣтскихъ и монастырскихъ школахъ XIII-го вѣка» см. Haugéau, *Histoire de la philosophie scolastique*, ч. II, т. I, Парижъ 1880, стр. 46 сл.

2) Vardenhewer, ц. с., стр. 205—302.

3) Vardenhewer, ц. с., стр. 256 сл.

4) ц. с., стр. 213—224.

5) Vardenhewer, ц. с., стр. 260—261.

6) *Comment. in Sententiarum libros Lombardi*, libr. II, dist. 1, quaest. 1, art. 3.

suerunt unam intelligentiam causari
 mediante alia et animam mediante
 intelligentia et corporalem naturam
 mediante spirituali.

(созданы) другія созданія, и такъ
 далѣе. Отсюда рѣшили, что единый
 разумъ творится (причиняется) при
 посредствѣ другого, и душа творится
 при посредствѣ разума, и тѣлесная
 природа творится при посредствѣ
 духовной.

На это св. учитель замѣчаетъ:

quod pro haeresi condemnatur,
 quia haec opinio honorem qui deo
 debetur creaturae attribuit, unde
 propinqua est ad trahendum in
 idolatriam.

да осуждается это какъ ересь, такъ
 какъ это мнѣніе приписываетъ со-
 зданію честь, которая принадлежитъ
 Богу, почему оно близко къ тому,
 чтобы увлечь въ идолопоклонство.

Что же касается того, что Тома ссылается въ началѣ на изреченіе
 Платона и на мѣсто *Книги о причинахъ*, то трудность считается съ этимъ
 обстоятельствомъ устранивается слѣдующимъ заявленіемъ автора:

dicendum quod in hoc auctoritates
 philosophorum non sunt recipiendae,
 quia in hoc errauerunt¹⁾.

слѣдуетъ признать, что въ этомъ
 нельзя принимать авторитетовъ фи-
 лософовъ, такъ какъ они въ заблу-
 жденіи.

Къ тому же арабскому извлеченію Проклова учебника восходятъ
 различныя еврейскіе тексты, иногда черезъ латинскій²⁾.

Непосредственно съ латинскаго эта арабская обработка была переве-
 дена на армянскій языкъ, какъ догадывался еще Vardenhewer³⁾ на осно-
 ваніи указанія заглавія въ *Каталогъ книгъ Эчмиадзинской бібліотеки*
 Броссе⁴⁾, о чемъ онъ узналъ отъ Феттера, и на основаніи общихъ
 соображеній. Переводъ этотъ, судя по болѣе подробному армянскому
Каталогу Каренянца⁵⁾, дѣйствительно, сдѣланъ съ латинскаго въ Польшѣ
 армянскимъ писателемъ XVI-го вѣка Стефаномъ Польскимъ.

По всей видимости, Стефанъ, живя въ далекой армянской колоніи, не
 зналъ, что на родинѣ, въ коренной Арменіи, имѣлся древній, притомъ полный
 переводъ Проклова учебника. Въ 1248-мъ году монахъ Симеонъ перевелъ
 трудъ Прокла съ грузинскаго языка, въ Арменіи, въ «грузинскомъ» мо-
 настырѣ Пгндзаханкѣ, т. е. въ монастырѣ Мѣдной руды. Теперь, послѣ разъ-

1) Vardenhewer, ц. с., стр. 260—261; здѣсь же другіе примѣры.

2) Vardenhewer, ц. с., стр. 305 сл.

3) ц. с., стр. 204—205.

4) СПб. 1840, стр. 95, № 269.

5) Тифлисъ 1865, стр. 213, № 2039.

ясней, данныхъ мною объ армянахъ-халкедонитахъ, намъ не трудно понять, что можетъ означать въ устахъ армянина-антихалкедонита терминъ «грузинскій» въ примѣненіи къ этому монастырю. «Грузинскій» здѣсь, несомнѣнно, терминъ конфессіональный, равнозначущій «халкедонитскому». Извѣстно, что монастырь Гндзанахкъ, армянскій, одно время антихалкедонитскій, армянинномъ княземъ Иванѣ Долгорукимъ, присоединившимся къ халкедонитской, т. е. греко-православной церкви, былъ обращенъ въ халкедонитскій, по тогдашней мѣстной терминологіи — грузинскій. Понятно, какъ самъ князь Иванъ съ присоединеніемъ къ халкедонитской церкви не переставалъ быть армяниномъ, такъ монастырь продолжалъ быть армянскимъ; съ переходомъ къ армянамъ-халкедонитамъ для монастыря облегчалось лишь культурное общеніе съ грузинами. На почвѣ этого сближенія и возникаетъ, надо думать, армянскій переводъ *Богословскихъ началъ* Прокла съ грузинскаго. На армянскій языкъ были переведены съ грузинскаго не только главы Проклова учебника, но и толкованія къ нимъ Іоанна Петрицкаго.

Четыре вѣка спустя послѣ этого перевода, именно въ 1651 году, другой Сямеонъ, гарнійскій епископъ, составилъ на армянскомъ языкѣ толкованіе (*Դավանանք*) къ труду Прокла, и это толкованіе сопровождается всѣхъ извѣстныхъ многочисленныхъ списки армянскаго перевода названнаго неоплатоника. Исследователи про толкованіе гарнійскаго епископа сообщаютъ лишь то, что языкъ его болѣе понятенъ и ближе къ простой армянской рѣчи.

Но въ исторіи армяно-грузинскаго культурнаго общенія книга сыграла еще позднѣе роль. Есть одно обстоятельство, которое положительно составляетъ воспоминаніе извѣстное латинское изреченіе: *habent sua fata libelli*. Въ *Спискѣ памятниковъ грузинской письменности*, произведеніи анонимномъ, если оно не принадлежитъ Давиду Алексис-дзе, сказано, что этотъ армянскій переводъ съ его комментаріями въ XVIII-мъ вѣкѣ былъ переведенъ на грузинскій языкъ, слѣдовательно, обратно мдванбегомъ Іоанномъ Орбеліани «съ помощью другихъ»¹⁾. И, дѣйствительно, сохранились списки этого обратнаго перевода съ армянскаго на грузинскій языкъ. По краткому каталогу Д. Каричашвили только списки этого перевода и должны находиться въ библіотекѣ Общества распространенія грамотности среди грузинъ, подъ №№ 192 и 1592²⁾. Въ Церковномъ

1) Памятникъ въ подлинникѣ изданъ проф. А. Цагарели съ датой 26 сентября 1810 г. (*Сводный о памятникахъ грузинской письменности*, т. I, вып. III, стр. 252—270), но по списку, переработанному послѣ 1817 г. Въ немъ занимающее насъ свѣдѣніе находится подъ № 195. Въ нашей собственной рукописи, безъ позднѣйшихъ дополненій, тоже свѣдѣніе приводится подъ № 151, притомъ въ болѣе правильной редакціи: *ახალი კვანძი ქალაქთაჲსის წინაჲდელ ღაღადისონის სკოლა და განმარტუბანი ს სომხარბნისაჲს კვამთარქმებლი შიგონდევოს ოთხენ ომუნელასისივან სესვთა შეწყობისათა.*

2) *ცეცულოგი*, стр. 253—254.

музеѣ грузинскаго экзархата имѣются двѣ рукописи съ грузинскимъ текстомъ того-же перевода, №№ 184 и 237. Судя по выпискамъ въ *Описаніи* Ө. Жорданіи изъ № 184¹⁾ и особенно пространно изъ № 237²⁾, этотъ обратный переводъ былъ сдѣланъ съ позднѣйшей армянской версіи съ толкованіями гарнійскаго епископа Симеона: въ грузинскомъ текстѣ удержано и предисловіе гарнійскаго епископа, автора позднѣйшихъ толкованій³⁾.

Обратный переводъ съ толкованіями гарнійскаго епископа Симеона былъ сдѣланъ 11-го января 1757 года армянскимъ священникомъ Филиппомъ, а не Иоанномъ Орбеліани, но, по всей видимости, по его иниціативѣ. Иоаннъ Орбеліани сильно интересовался вообще философіею Прокла и въ связи съ нею армянскими ея комментаріями. Къ армянской помощи обращался І. Орбеліани и для пониманія древняго грузинскаго текста съ толкованіями Иоанна. Въ записи, отъ 9-го марта 1757 года, въ концѣ рукописи Азіатскаго музея (Georg. № 174, а) писецъ, священникъ Тифлисской церкви Сіона, пѣвецъ, Исакъ Канделеветис-дзе (ქანდელეთის ძე), сообщаетъ, что онъ переписалъ книгу по заказу бывшаго судьи и мдиванбега Иоанна VII-го Орбеліани и затѣмъ прибавляетъ:

«Причиною появленія этой книги послужило и то, что въ то время въ нашемъ городѣ Тифлисѣ находился нѣкій епископъ, *варданетъ* Аветизъ, глубокой знатокъ философіи и богословія, и вышеупомянутый Иоаннъ Орбеліани у него изучилъ эти *Богословскія начала*».

Въ обращеніи Иоанна Орбеліани за помощью къ армянскому ученому мы не имѣемъ исключительнаго явленія. Это — одинъ изъ случаевъ тѣснаго общенія грузинской мысли съ армянскою въ XVIII-мъ вѣкѣ. Въ XVIII-мъ вѣкѣ появляется цѣлый рядъ грузинскихъ переводовъ или передѣлокъ съ армянскаго. При царѣ Иракліи, когда Грузія начала было мечтать о лучшихъ дняхъ, въ грузинскомъ обществѣ замѣчается нѣкоторое умственное возрожденіе. Обращеніе же грузинъ къ армянамъ объясняется тѣмъ, что къ этому времени у армянъ оказались нѣкоторые преимущества, культурныя приобрѣтенія, накопленныя тѣснымъ общеніемъ съ Европою. Какъ бы въ

1) *Описаніе рукописей и старопечатныхъ книгъ Церковнаго музея духовенства грузинской епархіи*, I, стр. 192.

2) *п. с.*, I, стр. 253—256.

3) Передъ предисловіемъ заглавіе: «Симеономъ, гарнійскимъ епископомъ, истолкованная книга Прокла, а затѣмъ читаемъ: «первыми нашими (армянскими) переводчиками, именно Моисеемъ, Давидомъ и ихъ сотоварищами, обученными авинской наукѣ, не была переведена книга Прокла» и т. д., совершенно такъ же, какъ въ армянскомъ подлинникѣ (см. Дашьянъ, *п. с.*, стр. 36—37). Перешло въ грузинскій текстъ этого армянскаго предисловія странное имя «Іамелихосъ», гесп. «Іамелихосъ» въ формѣ «ІАмелихосъ», предполагаемаго автора древнихъ толкованій по армянскому переводу (см. ниже, стр. 84). Въ новоармянскомъ полугласное «й» въ началѣ произносится какъ «h».

оправданіе поговорки «вѣтъ худа безъ добра», насильственно выселенные шахомъ Абасомъ изъ родины въ Персію, въ Джульфу близъ Испагани, армяне-изгнанники и создали тѣ условія, которыя облегчили еще въ XVII-мъ вѣкѣ усиленное общеніе армянской мысли съ европейскою. Общеніе это вызывалось и потребностями все болѣе и болѣе разжигавшейся полемики съ нахлынувшими на Востокъ европейскими миссіонерами. На почвѣ этого односторонняго, но довольно интенсивнаго общенія съ Европою у армянъ еще въ XVII-мъ вѣкѣ началось умственное возрожденіе съ новымъ западнымъ влїяніемъ. Тогда-то и снабдили армяне *Богословскія начала* Прокла самостоятельнымъ толкованіемъ и распространили какъ учебникъ въ многочисленныхъ спискахъ. Въ одной Эчмиадзинской бібліотекѣ сохранилось ихъ не менѣе 23-хъ. Создался кадръ лицъ, вышколенныхъ въ удивительно отвлеченной, трудно-усваиваемой неоплатонической діалектикѣ Прокла, и при такомъ положеніи вполнѣ естественно, если въ XVIII-мъ вѣкѣ грузинъ Іоаннъ Орбелиани для преодоленія трудностей философіи Прокла обратился къ армянскому ученому. Въ XVIII-мъ вѣкѣ у грузинъ были забыты традиціи, созданныя роднымъ философомъ XI вѣка; не было забыто развѣ то, что сами армяне лишь продолжали традиціи грузинскаго философа, пользуясь древнимъ армянскимъ переводомъ установленнаго имъ текста.

Относительно этого древняго перевода о. Дашянъ въ специальномъ изслѣдованіи дѣлаетъ догадки, которыя онъ силится обосновать соображеніями и доводами, вопреки фактическому положенію вещей, ему впрочемъ неизвѣстному¹⁾. Такъ, допуская вполнѣ, что настоящій армянскій переводъ сдѣланъ съ грузинскаго, о. Дашянъ предполагаетъ, что до этого перевода у армянъ существовалъ другой, сдѣланный прямо съ греческаго, и грузинскій оригиналъ позднѣйшаго армянскаго перевода въ свою очередь былъ сдѣланъ съ того древняго армянскаго текста²⁾; о. Дашянъ въ доказательство своей мысли главнымъ образомъ опирается на то, что въ позднѣйшемъ армянскомъ переводѣ чувствуется замѣтное вліяніе греческаго языка³⁾; о. Дашянъ не догадывается, что грецизмы тѣ могли проникнуть въ армянскій текстъ и черезъ грузинскій переводъ, какъ въ дѣйствительности и обстоитъ дѣло. Конечно, существованіе другого болѣе древняго армянскаго перевода не можетъ подлежать сомнѣнію только потому, что позднѣйшій переводчикъ монахъ Симеонъ увѣряетъ, будто до него не существовало занимающаго

1) Պրոփզի Գիսարիուի Շաղկապը աստուածաբանական և Մատենադարանի մանր ուսման արտօթիւնք, Վէնա 1895, Կ. I, Բ, стр. 23—48.

2) և. с., стр. 38: «Նոյն իսկ վրացերէնը նոյն նախնական հայ թարգմանութենէն է».

3) և. с., стр. 38: «Ենչուչա հնարդն հայ թարգմանութեամբ պէտք է մեկնել այն գրոց հայ լեզուին մէջ տեսնուած զարմանալի երևույթը: Ի՞նչ կողմանէ յայտնապէս կը տեսնուի յոյն լեզուի ազդեցութիւն թարգմանութեան մէջ եւն».

насть труда Прокла на армянскомъ языкѣ: переводчикъ могъ просто не знать объ его существованіи¹⁾. Переводилъ же Стефанъ Польскій тотъ же памятникъ, собственно искаженную и сокращенную его латинскую версію, въ невѣдѣніи, что существуетъ полный армянскій переводъ памятника.

Не надо забывать, что переводъ съ грузинскаго сдѣланъ въ армянскомъ халкедонитскомъ монастырѣ, весьма вѣроятно, армянинномъ-халкедонитомъ, и перевелъ онъ не только текстъ Прокла, но и толкованіи къ нему, принадлежація перу халкедонита. Потому-то, съ одной стороны, въ 1651-мъ году гарнійскій епископъ Симеонъ могъ составить новый комментарий къ *Богословскимъ началамъ* Прокла, вытѣснившій древнее толкованіе, переводъ съ грузинскаго; потому-то, съ другой стороны, Симеонъ, переводчикъ Проклова учебника съ грузинскаго, могъ игнорировать древній армянскій переводъ непосредственно съ греческаго, если онъ даже былъ ему извѣстенъ.

Что такой непосредственный съ греческаго переводъ Проклова учебника могъ и даже долженъ былъ существовать на армянскомъ, на то имѣются ясныя, неуказанныя о. Дашьяномъ историко-литературныя соображенія.

Въ Арменіи значительно раньше, приблизительно въ VII—VIII вѣкахъ²⁾, образованное общество было увлечено философіею. Съ возникновеніемъ интереса къ философіи здѣсь наблюдается тѣсное книжное общеніе съ греко-византійскимъ міромъ, даже близкое участіе армянъ въ философской литературѣ самой Византіи, на столько близкое, что есть лица, какъ напр. армянинъ Давидъ Непобѣдимый, про которыхъ еще недавно было не установлено, были ли они армянскіе или греческіе писатели³⁾. Увлеченіе философіею въ связи съ эллинофильствомъ разбило тогдашнее армянское общество на два враждебныхъ лагеря, прогрессивный и охранительный. Схоластическо-философская школа выработала у армянъ философскую терминологію путемъ такъ называемаго «материальнаго» перевода греческихъ образцовъ, создала классъ педантическихъ переводчиковъ и вообще сильно повліяла на развитіе, пожалуй, односторонне-искусственное развитіе литературнаго языка. Философія же, расширивъ умственный горизонтъ армянъ, разбила исключительность ихъ религіознаго

1) Такое предположеніе и дѣлаетъ гарнійскій епископъ Симеонъ, см. Дашьянъ, ц. с., стр. 36.

2) По преданію, еще въ V-мъ вѣкѣ, но съ этимъ армянскимъ традиціоннымъ недоуменьіемъ приходится окончателно разстаться.

3) Про Давида [Непобѣдимаго?] лишь послѣдніе дни стало ясно, что онъ и писатель-то былъ греческій. Литературу о немъ см. Ad. Busse, *Davidis Prolegomena et in Porphyrii Isagogen commentarium* (Commentaria in Aristotelem graeca, т. XVIII, ч. II, Берлинъ 1904), стр. VI, прим. 1.

мышления. Зародился интерес не только къ античному міру, но и къ своимъ древностямъ, къ своимъ народнымъ сказаніямъ, къ тому времени въ сильной степени иранизованнымъ. Открывавшіеся горизонты на дальнѣйшее образование дѣйствительно національной культуры вскорѣ исчезли, такъ какъ рядъ арабскихъ нашествій смелъ съ лица Арменіи почти всѣ результаты сдѣланной культурной работы. Изъ остатковъ армянскихъ литературныхъ памятниковъ того времени видимъ, что рядомъ со многими античными произведеніями переведены были почти всѣ главные позднѣйшіе философы, въ томъ числѣ, конечно, на первомъ планѣ неоплатоники, и трудно мяться съ мыслью, что армяне упустили случай перевести съ греческаго тогда же Прокла.

Если армянскій переводчикъ *Шестоднева* Георгія Псыды, византійскаго поэта VII-го вѣка, удерживаетъ намеки на Прокла¹⁾, можно думать, что ко времени появленія армянской версіи поэмы армянское образованное общество было знакомо съ писаніями нашего неоплатоника, армянскій же текстъ поэмы Георгія Псыды во всякомъ случаѣ древнѣе XIII-го вѣка, времени перевода *Богословскихъ началъ* съ грузинскаго.

Былъ моментъ, когда казалось, что древній армянскій переводъ непосредственно съ греческаго — на лицо: арменистъ Конибиръ въ письмѣ къ о. Зарбапалаяну²⁾ сообщалъ, что въ Эчмиадзинской библіотекѣ имъ открытъ древній переводъ того же труда Прокла, съ котораго будто былъ сдѣланъ и грузинскій переводъ. Впоследствии выписки изъ «древняго армянскаго перевода» Конибиръ сообщилъ о. Дашяну, напечатавшему ихъ въ своей второй статьѣ объ армянскомъ переводѣ Прокла³⁾. Тутъ и обнаружилось, что армянскій текстъ, открытый Конибиромъ, не есть вовсе древній переводъ въ томъ смыслѣ, какъ того ожидали; но онъ для нашего вопроса представляетъ особый интересъ. Въ немъ мы имѣемъ если не самый лучший, то самый древній списокъ армянскаго перевода съ грузинскаго текста Прокла съ толкованіемъ: рукопись списана въ Гефурдѣ приблизительно четверть вѣка спустя послѣ перевода Прокла монахомъ Симеономъ на армянскій языкъ⁴⁾.

1) Հայկ. թարգմանութիւնք նախնեաց, Вен. 1889, стр. 655:

«Слушай Проклъ, и не разглажь!»

Ибо при созерцаніи твоихъ причинъ

Пусть замолкнутъ Проклы и заговорятъ живущіе въ селахъ».

2) Հայկական թարգմանութիւնք նախնեաց, стр. 669.

3) Պրոկլի հնարդի օրինակը въ его же Մատենադարանի մանր ուսանիսիրութիւնք, ч. I, в, стр. 147—161.

4) По о. Дашяну, ц. с., стр. 148, рп. написана не болѣе 24 лѣтъ послѣ перевода нашего памятника въ 1248 г. Однако въ экзегнеяхъ литургіи, входящей въ составъ рукописи, встрѣчается (л. 79^в) моленіе одновременно о двухъ царяхъ, армянскомъ Леонѣ (III,

Въ армянскомъ переводѣ строки три излишка въ самомъ началѣ про- тивъ доступныхъ мнѣ списковъ съ грузинскимъ текстомъ. Эти строки — заглавіе. Оно гласить ¹⁾):

Ամբ¹ լաւիւսի իմաստարիի և
Հնէսորի աթենացո եպիսկոպոսի
Լուծմունք Պրովիդի Գիւրգիսոսի ան-
անէցեի ածարանութեանց:

Амелакоса, философа и рятора,
аиинскаго епископа, Толкованія такъ
называемыхъ Богословіи Прокла
Диадоха.

5

Ազենայու

Помоги!

1 Յամբիւսոսի С. — 5 Եգնաց < С.

Загѣтъ армянскій текстъ идетъ въ тактъ съ грузинскимъ ²⁾:

1270—1289) и грузинскомъ Дмитрія [II, 1273—1289]. Точной даты этого списка № 944, извѣстнаго подъ названіемъ рукописи Мхитаря Айриванскаго, не знаю и я. Дата, однако, какъ мнѣ извѣстно изъ бѣглаго сообщенія во время бесѣды съ бібліотекаремъ, най- дена имъ, архимандритомъ о. Месропомъ, которому кстати приношу глубокую благодар- ность за предоставленіе мнѣ возможности работать въ рукописной сокровищницѣ Эчміа- дзинскаго монастыря при наилучшихъ условіяхъ.

1) Извлеченія изъ армянскаго текста сочиненія Прокла мною печатаются по эчм. рукописи № 944 (А) съ удержаніемъ ея вульгаризмовъ и вообще орфографическихъ особенностей кромѣ одной. Дѣло въ томъ, что писецъ интересующей насъ сейчасъ части букву *է* умѣетъ воспроизводить въ ясной ея формѣ, но обыкновенно этого из- бѣгаетъ, и *է* и *և* у него получаютъ тождественный. Едва-ли здѣсь имѣемъ дѣло съ орфографіею, допускающею *և* вм. *է* въ такихъ случаяхъ, какъ թէ, էթէ, եպկ, իսանեթ, իշեւե и т. п. Какъ бы то ни было, этой особенности я не удерживаю. Для изданія использованы также рукописи Эчм. бібліотеки № 1864 (Каренинъ № 1822—у меня С), списокъ перевода съ грузинскаго *Богословскихъ началъ* Прокла съ *толкованіями*, № 1859 (Карен. 1817), списокъ версій гарнійскаго епископа Симеона, № 884 (Карен. № 867), спи- сокъ опять таки этой позднѣйшей версії. Но въ настоящей работѣ изъ нихъ брались разно- чтенія лишь сколько-нибудь реальныя, но отнюдь не формальныя. Посему не указывая я даже того, что вм. страннаго чтенія рп. А շղկապը въ этихъ спискахъ стоитъ շղկապը.

2) Издавая извлеченія изъ грузинскаго текста по рп. А, Georg. № 174, а Азіатскаго музея, я не задавался цѣлью возстановливать орфографію самого Іоанна Петрицскаго и потому слѣдовалъ нормамъ позднѣйшаго правописанія переписчика XVIII-го вѣка. Не слѣдовалъ я за нимъ лишь въ злоупотребленіи буквою ժ, которую временами онъ пользуется вм. буквы ժ, и устранилъ орфографію շլու, вульгаризмы եպիսկոպոսի եպիսկոսի и чудовищное իրզնա. Над- строчные знаки, требующіе особаго обслѣдованія, мною опущены. Титло въ этой рукописи имѣетъ форму ³, напр. յ. Кое-гдѣ ошибки и недочеты исправлены и пополнены въ самой же рукописи чьею-то рукою по хорошему списку: эти поправки приняты мною въ текстъ безъ оговорок. Всѣ извлеченія были сличены и проверены еще по тремъ рукописямъ Импера- торской Публичной бібліотеки, все изъ Собр. кн. Грузинскаго, именно—1) № 111, у меня В: рукопись эту церковнымъ письмомъ написала по порученію архіерея Тимофея въ 1751 г. (համա) иѣвій Исаакъ (Ջեզեյուս Եղեղեմոս Կաթողիկոս Եղեղեմոս Խոսեոս Կաթողիկոսի քի սեպ ժուհա ու շ ննատոսե), 2) № 360, у меня С: рукописъ церковнымъ письмомъ представляетъ дефектный списокъ; нѣтъ ни Введенія, ни Послѣсловія; наличное начало — 1-я глава; наличный конецъ обры- вается на схолиі къ 70-й главѣ, 3) № 225, у меня D: рукописъ эту четкимъ твердымъ воен- нымъ письмомъ въ 1754 г. написала Исаакъ Младшій (շլուոս սեպ Ջեզեյուս); запись объ этомъ церковнымъ письмомъ — на л. 192б; церковнымъ письмомъ подаются и отдѣльныя фразы въ самомъ текстѣ; церковныя буквы использованы въ качествѣ заглавныхъ; руко- пишь принадлежала «духовнику Захарію» (л. 178а: Չախրեոս Ժուլեղեմոս); отъ него и извѣстна (см. Н. Марръ, *Изъ книгъ царевича Баграта о грузинскихъ переводахъ* и т. д., стр. 233—235)

A, პ. 3ა. გუარსს თანს გუგ ცნობად დიდთა
 B, პ. 2ა. სწლის-მეტყველოთა შს ხედვისსა და
 D, პ. 3ა. ადუბად ჰსზრსა წინადათვე წინამდებ-
 რისა წიგნისსა: ხოლო ჰსზრი ამის
 წიგნისა ამათშინა შემოიდვის. ზირვე-
 ლად რა ერთი წარმოაჩინოს, თუ არს
 ერთი, და იძულებათა-მიერ თან შე-
 სიტყუათამს აღმოაჩინოს ესე მრავალ
 სჯადაცა ერთი. რა არა იქმნეს და შე-
 იმთხოს. რამცა არაერთსა ერთად
 ჰსზრობდესცა და იტყოდეს: რამეთუ
 მრავალნი მყოფთანი მიქაბებენ ჩუენ
 ერთ ყოფას. ხოლო არა არიან იგინი
 ერთა. ვინაჲ ეძიებს განთნათ-მიერ
 სიტყუერებრთა და ჰმკობს სწმინდესა
 უხადოსა ერთისსა: ესრეთ უკუწ მთ-
 ლებითა სსხეთაქათა შემეტეს განცხად-
 ნეს სიტყუაჲ: რამეთუ რადცა სთქუას და
 მისცე განსტონოს, ვითარცა ცაჲ. სუელი.
 გონებდა და გინაჲ თუთ იგი წამდვილ
 მყოფი. რომელსა ვიტყუ ზირველად არ-

ღამნაყს ადგა და ვერანაჲ ყარო-
 აყან ხმე ჳანაჯელ ვორს ი მხბ
 იბბარანობენ თხთობიქ. და აა-
 ნილ ყარბიხა ნახ ყათაღყარელ
 ვროგა: იხს ხმასარ ყაჲ ვროგა ყუ-
 თთიქ ყარონსაქიხ. ნახ ვი მი ხრლ-
 ხვოცყანს ხბქ მი ხ და რანბარაკან
 რანხიქ რნახალსხელიქ ვერყაყთნს-
 ვს ყაჲ ყოვნაჯიჯახელქ მი. ხიქ ვი
 მი ვოცს ხნიხვი ჲამ ვიყენვი. ვი
 ვოჯ მიხ მი ყარბხვს და ასაყსა
 ვანვიქ რქმიქ ქსახყენ ყათილხ მვი
 ვმი ვოქ აჲლ იჯ ხნ ზოჲა მი. სასჲ
 ირი ხნივრქს ი ჰენს თათიქ რანალო-
 რაკანაჲ და ვთანს ქჲსთახილქ
 ანბარათ მიუნი: ჳლ ყაყყა ი ჰენს
 თარავიჲჲ ალქინახყა ანაელქ ყაჲთ-
 ნი ხნიხვი რან: ვანვიქ. ვინჯ და
 ასაყენს და თაყენს ხმავილქ. ხიქ
 ვერქიხ. ვანჯ. ვმიოთ და ჲამ ბქ
 ვნიხს ხნიქ ვათიჲჲ ჲახნი. ვორს ათხმ

1—2 ვიღობას ჳს მტეჲლთა შს BD. — 11 იტყო-
 ვესცა D. — 19 ცაჲ. სუელი ვროთა BD.

1 აჯი/ ყარო C. — 3 ანბარანობიქნიხ C. —
 ხლ < C. — 4 ნახი-ა-ჲან C. — 18 ჳხვი C.

„Намъ надлежитъ познать сущность теории въ великой богословской области и воспринять заранѣе идею подлежащей книги. Идея же этой книги состоитъ въ томъ, во-первыхъ, чтобы выяснитъ, что единое есть единое, и путемъ силлогическихъ хрїи доказать, что это единое подлежитъ оглашенію множествомъ, дабы какъ нибудь не произошло, что не-единого считали единымъ и утверждали это. Многіе сущіе притязаютъ передъ нами, что они едины, но они не едины, почему (авторъ) ищетъ безупречную чистоту единого на основаніи законовъ логики и обрѣтаетъ ее. Рѣчь ваша станетъ яснѣе, если приведемъ примѣры: что бы ты ни назвалъ и ни предлагалъ воспріятію, nebo ли, душу или умъ или хотя бы самого истинно-сущаго, котораго называю первоюсущностью и первоюсоставомъ,

запись о переводчикахъ на л. 193b [по прежней пагинаціи 190b], однако почеркомъ этой рукописи. Еще одинъ (E) списокъ (Собр. кн. Грузинскаго № 228) военнымъ писемомъ слышкомъ новъ, примыкаетъ къ чтеніямъ списка B, съ котораго, быть можетъ, онъ и списанъ, и мною въ этотъ разъ игнорируется: написалъ эту рукопись въ С.-Петербургѣ въ 1862 г. С[имонъ] Табидзе.

A, 1. 5a. Յորքլտա. ցոԿլլլ ՅլաԿրոնիս||տա ճա
 միս յլմլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 Գն մոլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 Ելա Յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 5 Յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա Յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 B, 1. 3a. Նիս մոլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա մոտի Մոլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 Գն ճրոտա ճա տանլլլլլլլլլլլլլ
 10 Նալլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 մաՄոլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 յոլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 յոլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 15 Յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա ճլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա ճլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 20 տա Մլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա ճլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա ճլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 25 ճա ճլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 ճա ճլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ

սոսա միայն է թող կեղ զսահման իւրն
 տեսուլթէ. քանզի ի վեր էանց, քան
 զիւր նախնիս. զՊղատոնիւ ասեմ և
 զիւրն ծայրագոյն իմացութեան մտաց.
 և ել առ անհասանելի միակն. և որ-
 չափ կարողութիւն էր. ջանացել ճա-
 նաչել զէիցն զանձկալի և զտոփելի
 զոր կնքել և ծածկել Պղատոնի. ի
 խոր և անյայտ արտադրելն իւր բանս.
 զորս յայտնեց և զորս ի նոսա իմաս-
 տուութիւն յաւաստութիւն վերա-
 բորբոքեց. եթէ որպէս ի նոսա ծա-
 րաւել Պղատոն ի նմա. անխմանալի և
 աննկատելի միակին և ո՞ իմանալի և
 զերխմանալի վեր անցել վաւելլական
 զրուլթեան: Եւ զարձեալ ի վերա պերկա-
 ուղղաձգելոց և հրատեսակս՝ արելոց
 ճեմականացն. որ զԱրիստոտէլէն ու-
 նէիքն զպաճուճել բանակուուլթիւն.
 յետս զարձոյց. և զորս Արիստոտէլ
 գտակ լելլ զբանակուական տառն և
 զնոցա կարծել ուղղութիւն. որովք
 խառնէիքն զՊղատոն նոյն պերկա-
 ստոյիքն. յայտնեց և անկառնս
 արար: Իսկ էր ի վերա սայց ո՞ յա-

2 յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 — 20 յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ
 D. — 23 յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ

26 էր յլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլլ

мѣваю, Платоновыми (идеями) и единымъ, непостижимымъ и для ума его (Платона), высочайшаго. Насколько было возможно, онъ постарался познать желанное и вождедѣнное изъ сущихъ, открылъ запечатанное и скрытое въ діалогахъ Платона и возжегъ мудрость отъ вѣка сущихъ, заключенную въ нихъ, и представленную вѣру, то, какъ въ нихъ Платонъ жаждетъ певооб-разимаго и сверхразумнаго космоса, а также отразилъ въ сторону перипатетиковъ, перелившихся и подобно пламени размножившихся, спаянное догматическими законами, исходящими отъ Аристотеля, и обнажилъ и лишилъ почвы истину, на которую притязалъ законъ о силлогизмахъ, открытый самимъ Ари-стотелемъ, чѣмъ перипатетики опровергали Платона. А въ третьихъ, ко всему этому присовокупилъ простоту и ясность доказательствъ и вмѣстѣ съ высо-

კავშირად უწოდებ ვითარცა უმარტოვესთა
 ეოველთაშორის სხდომისმეტყუელთა-
 თას ხედავთას: რამეთუ ზირველ ერთის
 ცნობის რამცა ცნა ეოველმას მიძიე-
 5 ბელმას ცნობისმას: და ესრეთ მარტი-
 ვად წესი და სირა, რომელ არს ნათესი
 ეოველთა, დასწოდა და წარმოახინა ვითარ
 გოკებისა. სეჟლისა. ბუნებისა და სეჟუ-
 A, ა. 6a. ლისა. რომელი ესე || თითოეული თვისსა
 10 ადგილს განგვმარტოთ შეწვევისთა ზირ-
 ველისა სიტყვის უფლისა ქრისტესითა:

გარსა დაგვიძინოთ მცირედ დაკით-
 ხვისათვისცა თუ ვითარ ჯერ არს ამით
 B, ა. 3b. 15 სსსწავლად. ესა წიგნთა ვითხვა. | ვითარცა
 თუთ სოკრატისათვის იტყვან. ვითარმედ
 აკითხვდისო სოკრატე. ვითარ აკითხვ-
 დანა ერთმანი მცირეაი და კად შექცის
 მსვე წარკითხულსა. რამეთუ არა თუ
 20 გუარსა ჯერ არს სავითხვისასა მცემამა.
 არამედ ცნობისა და აღუწვეობისათვის
 არს სხათსად და ცაკუჭისთა და შედგ-
 მისა და უგუნქევისა და უკანამთ ზირ-
 თა აღებისა. და წერტილთა და სეჟათა
 25 ეოველთა მძღურათა. ვითარ მსხვალსა

16 ოკუბან B.

ქანღი სთვა დაღაქარად და მანხისა
 ხარ ჯღაკაყ კოქერ ხერ ხ ქერა ო
 ყარღეგნ ომარანსაკან თხთხობ-
 ანგნ. ქასნ გი ნახსიქ ქან დქიასიქ
 ხმანგლადნ აყ ღინჯ დანხეგი ო. ირ
 ხნგრქ ხმანაჲ ცღ აყათყს ყარღა-
 რარ ღარქ და სქრა. ირ ჰ ჯარაჯი-
 სლად ოქ. დესხენ ტრანგეყ ხერ
 მთაყ. ანღქნ. რნობთან და სხიქ.
 ღირიღ ღირღაქანჯერნ ქირლიმთ-
 ღიღ ჯანთხვიღ ადგნასკნობთანდ
 ნახსიქ რანხნ ონ ოქ ხე მხრი:

სასჯალთვიღე ღირქ ხნ და ჯა-
 ღაფა რნობენლი ბქ ირქყს ყარათ ჰ
 გქმანთათხირაკან დყათიქ გრქლ
 რნობენლი ირქყს დსიღრათთანასნ
 ბქ რნობენიურ სიღრათქს დქირუ
 რათ ადრქნასიქ მათაღ მანსანგ გნ
 ილსმანგ. გი ხ ნქნ რან განონ
 რაღლიმ ანსქამ ხ ნუნ რნობრგენ.
 გი იჯ ბქ ნახ დაღყს ყარათ ჰ გრ-
 ნობრგენლ თალ აყ ხმანალ და ქერაღი-
 თლ დქითს რანხნ ჯარქალორ ჰ და
 გჯათანტლ დჯარაღრქლ დჯარაღლ-
 ძიყან და გქნქ დქითან ადნლი და გქსთ

онъ назвалъ элементами, какъ простѣйшія среди всѣхъ богословскихъ идей, ибо что же можетъ найти каждый искатель познания раньше познания единого? И такимъ образомъ онъ расположилъ и выставилъ просто порядокъ и рядъ, т. е. сплетеніе всего, какъ-то ума, души, природы и тѣла, и это изложимъ мы каждое на своемъ мѣстѣ съ помощью перваго Слова Госнода Христа.

„Но присовокупимъ еще касательно чтенія, именно какъ надлежитъ читать такіа научныя книги, какъ говорится про самого Сократа, что онъ читаетъ, какъ читали маленькія дѣти, и затѣмъ возвращался къ прочтенному, такъ какъ не нужно преподавать родъ (отдаваться процессу?) чтенія, когда чтеніе полагается для пониманія и освѣдомленія, для анализа и синтеза, для опроверженія положеній и принятія ихъ, и надлежитъ намъ пользоваться οσσία (ὀξεία), т. е. острымъ удареніемъ, varia (βαρῆα), т. е. тяжелымъ, περίσπομεν (περισπωμένη),

ოქისისა და ვარისსა, რომელ არს მძიმე-
და ზერისზომენსა, რომელ არს გარე-
მართებელი. და სხუას ეოველსავე სე-
თანადო არს. რათა ვეგმარებდეთ კმა-
სავე თანს და ზირსს სიტყუასსა. რათა
გოანებად უცთომელი აღვიუწყოთ. და
ესეცა შევისწავთ. რომელ მადლიად
კითხვად მოშლის ეგოანებასა. რამეთუ
ძეგრად კმისად რეც თუ თანა წარტა-
ცუბს გამგონებას, რომელ არს სუელი:
და ესე ამის-თჳს: —

A, л. 6b.

ქ დ უგუჭ სოთანადო არს და უფროდს
ხოლო სსჭირო ცნობად. ვითარმედ
სხუად არს ძალი და მოქმედებად სე-
ლისად და სხუად გოანებისად: და ეო-
ველთავე ედღინთა ენამსეობასა-სეუდა
თჳს სხელი ჰქჳს შესაბამი თჳსისა არ-
სებისად: ხოლო წინამან არცა თარ-
მანთა არცა სხუამან ვინ დასტეუროცნა.
და აწ მუ უზომოდ მიძღის თარგმნასა:
შისა. რამეთუ ეოველსავე ეროდ და
სწოროდ იტყუანს და დასდებენ წინა:

D, л. 5a.

և აიყა ეთ ვაყუ კაღვირინს ან ჰ მითოსნ
ჩერ ვოლერ ვალ.ქისა` (sic) რთ.ქ ლ
ქათა, որ ჰ დანრ. ლ ყტ`რჩაყოძნ, 5
ორ ჰ ჰრღაყათელ ლ ვაყუნ ნმანს თ-
გა ყართ ჰ არლეთათელ რნე ლაყნი 5
ლ რნე რქმნ რანჩნ. ჩერ ვი ვმითოსნ
ანმარე ჩმანგოქ: ელ ვაყუ ლა ვი-
თაგოქ. ვი რარღე ლაყნი რნქბელ-
ნოლნ ჰქობელ ქათანს ვიქმანგო-
ქჩნ. 10
ორ ჰ მითენ, აკნ ანქჩნ:

ჩარაბელ ვითელ ჰ ლ თაყ. ვი
აყ ჰ ვალროქჩნ ლ ნერგორბოქჩნ
ანქჩნ ლ აყ მთაგ. ლ ქმ ჰქელნაგი
ქალსა ვილრნ ილრნ ილნ იანინ 15
ნმანაყქა ჩლრნ ვოთგოქმან: ითქ
ქ ჰაყუ ლ (sic) თაკა ალქათოქმან
ქვქჩ იქანსანსა//ილნქლქ ლ იქ მარქ- C, стр. 5.
მანქნ ვრქვჩნ ილრნ. აყ მითქ ეთ
იქტეყჩნ რან. ლ თაყ ქთქ ქათანს 20
ვი: ელ არე ქორ. ვი ანქჩნ იქქ
ვიქჩა. ქს მთაგნ` ნოქმან. ქსქ

7 შეკლავლოთ A, შეკლავლოთ B. — 20 თარგმნის BD.

5 არცა სხუამან C. — 6 ეთ ვ მითენ C. — 17 ლ. < C.

т. е. облеченнымъ, и всѣмя прочими (знаками) вмѣстѣ съ произпошеніемъ словъ и ихъ значеніемъ, чтобы освѣдомить себя касательно безошибочнаго смысла. Надо намъ знать и то, что громкое чтеніе мѣшааетъ пониманію, такъ какъ звуки, раздаваясь, увлекаютъ воспринимаящаго, т. е. душу. Объ этомъ столько 1).

„Затѣмъ надлежитъ и еще въ болъшей степени нужно знать, что иное нѣчто сила и дѣятельность души и иное — ума; для каждаго изъ этихъ понятій на ясномъ какъ солнце эллинскомъ языкѣ имѣется названіе соотвѣтственно съ его существомъ, на что изъ нашихъ (грузинъ) ни переводчики, ни кто другой не обратили вниманія, и это чрезмѣрно мѣшааетъ теперь мнѣ въ переводѣ 2): наши (грузины) всѣ эти понятія называютъ однимъ или равнозначущимъ словомъ и такъ ставятъ. Но теперь слушай! Силу и

1) Послѣднія три слова въ армянскомъ опущены, да и предыдущее предложеніе, служащее опредѣленіемъ слова «пониманію», со словъ «такъ какъ» и т. д., въ армянскомъ гласитъ кратко: «пониманію, т. е. уму, глазу души».

2) Армянинъ переноситъ эту жалобу безъ всякой поправки на свою родную рѣчь и на родныхъ армянскихъ переводчиковъ.

ხოლო აწ ისმინე. რამეთუ სულისსა
 ეწოდების დიანჯამ. ხოლო გონებისსა
 ნოიძამ. ხოლო განსტონისა და წესთ-
 მდებარესა ნოიტონნი. ვინამ აწ ადვილო
 5 თითოე ამათი და განვჭმარტო:

- პირველად უკუწ სულისსამ. რომელ
 არს დიანჯამ: ესე დიანჯამ არს არს მარ-
 ტოვი და შეუდგომელი იგი გონებამ.
 არამედ ვითარ მიერგონებამ გინს
 10 თუ მიდმოგონებამ. რამეთუ სულისს
 მიდმოობასა შორის აქუს ძალი გა-
 გონების და შედგომელი და არს მარ-
 ტოვი ვითარ გონებისსამ. რამეთუ შე-
 ადგამს არსსა და არსსა, განიზრახვიდეს
 15 რამ. ვითარ იგი ოდეს ვწვლამოდი
 რსავე, ვიტყვ. ვქმნს ანუ არა ვქმნს.
 და შემქელა უქანამს ერთსა რომელ-
 A, ა. 7a. სამკაცელა მივიჭსწრვი და || მივიწვადებ
 ანუ არსსა ანუ არა არსსა. რომ-
 20 ლისათვის ჭრქან მას სხელი შესთე-
 რომ, რომელ არს მიდმოგონებამ
 B, ა. 4a. ანუ მიდმოგონებამ: ესთა ჭვავსქო,
 იტყუს პორთიონი, მიდმოგონებამ
 სულისს. ვითარ ოდეს კაცი ბავებისა

ქმანებრენს და ქერაგრებრენს⁸ ნიჩთაუნს
 ესე არა ათხელ ვქმნი ჩი სთვანს მს-
 ხნავილ:

ესე ნახი დანძინ. ირ ზე გიანჩა
 ესე ანძნ იე ზე ყარეღ მჩას და
 სანყარა ქმანობჩინს, აყლ ჩრე ჩ
 ჰნენ მთავ და მთაბობჩინს. ქმან
 გი ანძნ ჩი მთაბობჩინს ილჩი
 ვარობჩინს ქმანმანს და კარეღ
 და იე ყარეღ ჩრე ვქმით. ქმანს გი
 კარეღს ვლჩინს. კორიამ ჩორჭგჩი
 ტრეჩე ჩინ. ჩრე ვყან. გი კამჩი
 ჩინ ჩინ. ასეჩი არარეღ ტრეჩი იე
 არარეღ. და კეთი ჩი მჩი ქერა
 მთაბობჩინს და ვქმანს⁹ კამ¹⁰ კ'¹¹ კამ¹²
 იე ზ'. ქმანს იორი კოჯეღს და ნამ
 ანონს ნამან ჩრ. ირ ზე მთაბობჩინს
 კამ ქმანობჩინს ესე ყანს ნამან ზ.
 ირ ასე ორეჩიჩრე. მთაბობჩინს
 ანძინ. ირყან მარეღ ვყარეღს
 რეჩინსაყანს. გი იე ყარეღარეღ ათ-
 გნი ანგ. იორ გიქმეჩი. აყლ ვყარ-

⁸ ვკაცელებამ A. — ¹⁰ სულისს A. — ¹¹ არა არს A. — ¹² არა არს B.

дѣятельность души (греки) называютъ διάνωα (διάνοια), силу и дѣятельность ума — νοῖμα (νόημα), а воспринимаемое умомъ и объектъ (ὕποθεσις) — ποῖτον (νοητόν). Итакъ возьму каждое изъ этихъ (понятій) и растолкую.

„Прежде о силѣ и дѣятельности души, т. е. διάνοια: διάνοια не есть простая, несоставная мысль, а какъ бы «от-мышленіе» или раз-мышленіе, такъ какъ у души способность воспріятія выражается въ движеніи въ разныя стороны, воспріятіе ея составное, а не простое, какъ у ума, ибо она сопоставляетъ положительное и отрицательное, когда зачинаетъ намѣреніе, какъ напр. когда предпринимаю я что-либо, говорю, дѣлать мнѣ или не дѣлать, а затѣмъ подѣ конецъ устремляюсь мыслью на что-либо одно и желаю или положительнаго или отрицательнаго, почему это называется подходящимъ терминомъ, т. е. размышленіемъ или разумѣніемъ. Порфирій говоритъ: «размышленіе души походить на то, какъ, когда человѣкъ шагами движется, не просто устрем-

«Прокла Діадоха, философа платоника, *Богословскія начала*. Главъсто одинадцать»¹⁾.

Вслѣдъ за заглавіемъ армянскій текстъ сохранилъ толкованіе его, именно слова *շղիպար*, правильнѣе бы *շղիպար* въ необычномъ его значеніи *элементы, начала*, отсутствующее въ этомъ мѣстѣ грузинскаго подлинника по рр. Азіатскаго музея № 174, а. Толкованіе это гласитъ²⁾:

ՃԿ . Շղիպար Իծարանութեանյցն սակ հոչէ. վսն զի բոլոր զիրք Իմաստասիրաց ի չորից նիւթոց սկսել և անդուստ ի վեր ի ձեռն բաղմազան բանից զի սեռական էակս պատմեցին մինչև ցտեռական անձն եկելք ի վեր և ապա յանձին բան Հասելք շփութեցան և ոչ զաւրացել ինչ կոչել զնա զիմազարձեցան միմեցն և անդ կատարեցին զբան: Իսկ//սա ի շունչ և ի յողիս կել և անդ ի սեռական անձինս և ի ստոյգ էակն և ի միակսն և յանիմանարի միակն. այս ինքն է յատուած. անդ զազարել աւարտեց զբանն. և զնա Իծարանութեամբ. իսկ զսոսա Իծացելս կոչեց. և մի ազգ ելով և ի նիւթո և ի սեռէ բանից ոչ ինչ ասաց ամենև իմք:

л. 1069^{ω2}.

«Элементами богословія называетъ *Глосса*. (авторъ свой трудъ) по слѣдующей причинѣ. Книги всѣхъ философовъ, какія ни есть, начавъ съ четырехъ матерій, съ помощью разнообразныхъ предметовъ, объяснили всѣ родовыя существа отъ исходнаго пункта вверхъ, пока ни достигли до родовой души, затѣмъ дойдя до понятія о душѣ, никакъ не могли назвать ее, обратялся другъ противъ друга и на этомъ закончили рѣчь. А нашъ авторъ, съ дыханія и душъ начавъ, (дошелъ) до родовыхъ душъ, до истинно-сущаго, до единаго и непостижимо-сущаго, т. е. до Бога, и здѣсь остановился и увѣнчалъ то понятіе: Его назвалъ «слово»³⁾ слова Богомъ, а ихъ — обожествленными, но не утверждалъ, что (Онъ съ ними) составляетъ одинъ родъ и по матеріи и по роду понятій».

10—11 կել ԵՄ. սկսել (սկսեալ), а соответственнo ի շունչ և ի յողւոց.

Любопытно отмѣтить, что изъ этой глоссы, помѣченной сокращеніемъ *ՃԿ*³⁾, ни какой либо ся замѣны нѣтъ и въ версіи Симеона Гарнійскаго⁴⁾.

Въ дальнѣйшемъ армянскій и грузинскій тексты идутъ въ шагъ, однако

1) Это въ то же время точная передача греческаго заглавія съ чтеніемъ *επιστολῶν*, которое издателемъ отброшено въ примѣчаніе (изд. Fr. Steuzer, 1822, стр. 2).

2) Армянскій текстъ этого отрывка изданъ и у Дашяна, *Պրոպոզիտիկոն օրինակը*, ц. м., стр. 156, но съ нѣкоторыми формальными отступленіями отъ рукописнаго чтенія.

3) *ՃԿ* = *մեկնութիւն* *поясненіе, глосса*.

4) Дашянъ, *Պրոպոզիտիկոն օրինակը*, ц. с., стр. 156.

не безъ вариантовъ, порою существенныхъ, причѣмъ лучшее чтеніе иногда оказывается въ армянскомъ переводѣ, сохранившемся въ сравнительно древней рукописи, а не въ грузинскомъ подлинникѣ, известномъ намъ пока въ спискѣ XVIII-го вѣка.

Для примѣра приводимъ первую главу Проклова текста съ началомъ толкованія къ ней параллельно по грузинской и армянской версиямъ:

Է

Աղևաբն

- A, л. 10а. ეოგველი სიმრავლე ეზიარებინ რაჲ-
- B, л. 5b. თავე ერთსა. ხოლო თუ არ ეზიარებინ,
- C, л. 1а. არცა ეოგველი ერთ იყოს. არცა თითო-
ეული მრავალთაჲ, რომელთაჲც სიმრ-
ავლე. არამედ იყოს თითოეულიცა მათი
მრავალ და ესე ვიდრე უსწავდროლობა-
დუ. და თითოეულთა მათ უსწავდრო-
ლობათაჲ იყოს ედ სიმრავლე უსწ-
ავროჲ. არც ერთსა არ თანმზიარე-
ბელი. არცა თვისისა სყოველთაჲსადმი
და არცა თვისშობლის თითოეულისადმი:
ვინაჲ ეოვლანდ ეოვლითურთ იყოს
D, л. 7а. უსწავდრო. რამეთუ თითოეული რა-
მელიცა შეუხურა. ანუ ერთი იყოს ანუ
არაერთი. და თუ არაერთი, ანუ მრ-
ავალ ანუ არა რაჲ: ხოლო თუ და თი-
თოეული არა რაჲ და არა რათაჲსა არა
რაჲ: და ედ შეეუთუ თითოეული მრ-
ავალ იყოს. უსწავდროობით უსწ-
ავრო თითოეული. არამედ ესე შეუძლე-
ბელ. რამეთუ არ ეტებინ რაჲვე მეოფ-
თაჲ უსწავდროობით უსწავდრო.
რამეთუ უსწავდროობისა არა რაჲ უფ-
როჲს არს: ხოლო ეოვლთაჲსაშობლის

Ամենայն բազմութիւն յարակցի : 5
 ուրեմն միոյն. իսկ եթէ ոչ հազրու-
 դակցի և ոչ մ մի եղանի. և ոչ իւ-
 րաբանչիւր ի բազմաց. յորոց է բազ-
 մութիւն. այլ եղանի իւրաբանչիւրն 5
 նոցա բազում և այս մինչև ցանսազ-
 մանութիւն. և իւրաբանչիւրն սոցա
 անսազմանից եղիցի դարձեալ բազ-
 մութիւն անսազման. և ոչ մի ինե-
 րով հազրդակից. ոչ իւրոյն բոլորո- 10
 վիմբ ելոյն և ոչ որ յինքեն իւրա-
 քանչիւրումն. այլ իմա ամեննիմբ
 եղիցի անսազման. քանզի իւրաքան-
 չիւրն զոր կայցես. կամ մի//եղանի և C, стр. 9.
 կամ ոչ մի. և եթէ ոչ մի. կամ բ- 15
 զում կամ ոչ ինչ: իսկ եթէ և իւրա-
 կանչիւրն. ոչ ինչ և յոչ ինչէ ոչ
 ինչ: Եւ դարձեալ եթէ իւրաքան-
 չիւրն բազում եղանի. անսազմանու-
 թեամբ անսազման իւրաքանչիւրն. 20
 այլ այս անհնար է. վասն զի ոչ կար-
 է և ոչ մի ոք էսկացն ինել անսազ-
 մանութեամբ անսազման. վասն զի
 քան զանսազմանութիւն ոչ ինչ ա-

13 თითოეულისა B.—14 შეიპირა D.—16—18 ხოლო
 თუ — არანაჲ] Эта фраза въ грузинскомъ, рав-
 нымъ образомъ въ армянскомъ должна
 соответствовать греческому чтению: ἀλλ' εἰ
 μὲν ἕκαστον οὐδέν, καὶ τὸ ἐκ τούτων οὐδέν,
 между тѣмъ она значитъ: «но если каждое
 — ничто, то изъ ничего (не станеть) ничего».
 — 17 არა მათაჲსა] არანათაჲსა B.

18 [ლ.] Здесь въ армянскомъ текстѣ
 вставка съ пометкою *მ*4, какъ указанная
 выше (стр. 72—79) вставка-гlossa. Вставка
 въ данномъ случаѣ внесена въ текстъ
 1-й главы Проклова сочиненія: ея нѣтъ ни
 въ греческомъ подлинникѣ, ни въ грузин-
 скомъ переводѣ. Текстъ вставки (нач.: *որդ և
 սայնք զերկիր կիրկոս, կոն: անհասանել
 ա՛ն է*), см. Дашиянъ, ц. с., стр. 158—159.

თითოეულისა უფრო. და არცა არა რა-
A, პ. 10b. ბისისაგან რამე შესძლებულად არს წარ-
მოადგენად. ვინამა ეოველი სიმრავლე
ეხიარების რამათავე ერთსა :

5

წ
1

იტყვნ ფილოსოფოსი. ვითარმედ
ეოველი სიმრავლე ეხიარების რამათავე
10 ერთსა: თანა გუაგ გუარსს ბრძენთა
სიტყვასსა დაჭურეტად. ვითარმედ ეო-
ველი სიმრავლე ეხიარების ერთსა და
თუ არა, ვიხილოთ, იტყვნ, თუ რა-
დენი უკეროება შეუდეს: ხოლო გ-
15 მოსცდის მრავალკეცთა პირთაზუდას და
ვითარ ეოველითურთ ამხილოს. შერმე
C, პ. 2a. დაგასმულთა აღმოსაქენთაშიერ მსვე
პირველსა სიტყვასსა თანგანვლის სხვედ
დამტკიცებს. ვითარმედ ეოველი სიმ-
20 რავლე ეხიარების ერთსა : —

შისწავვე. ვითარმედ ამას პირველს
სიტყუასსა ჰქვან წინსამოსკეუბელი
სიტყუამ. ვითარ ოდეს სთქუა. ვითარ-

¹⁹ კამბუჯის CD.

„IГ-я глава¹.

„IГoаннѣ¹²).

„Говорить философъ: «всякое множество причастно какъ бы то ни было единому». Намъ надлежитъ всмотрѣться въ общій смыслъ слова, сказаннаго мудрецомъ³⁾: «всякое множество причастно единому, если же не причастно, посмотримъ», говорить онъ, «сколько нелѣпостей послѣдуетъ». Въ разнообразныхъ смыслахъ испытываетъ онъ и послѣ того, какъ всячески обличаетъ ложь⁴⁾, стройными доказательствами мимоходомъ утверждаетъ первое слово, что всякое множество причастно единому.

„Знай, что проблемою называется то первое слово, про которое говоришь: «я это утверждаю, а ты, оппонентъ, не утверждаешь этого,

79,1—80,4 Эта часть, текстъ самого Прокла, воспроизводить въ точности соотвѣтственную, 1-ую главу греческаго подлинника *Богословскихъ началъ*, изд. Creuzer'a, стр. 2, 4.

2) [Ioаннѣ] арм.: «Толкованіа Амилахоса», см. ниже, стр. 84.

3) Слово во мн. ч. въ одномъ грузинскомъ: pluralis majestatis.

4) Слово *ложь* сохранилъ лишь армянскій текстъ.

აბელ ზ: **ის ქამხნსხიმანს ხერ-
ფანჯეროვნს აოაბელს. ლ იჯ კიჯნჯ-
კაროილძიხს ზ ხნჯ კოაოღ კავოღ-
ანხს. ირიქვსთს ლ კილძ თ რაღნი-
ძიხს ჯაღრიღხეხი ხნს მხახის:**

ქმხლახაღი. ქძმინღ:

ღ

**ქს ზმასათახერს. ხქ ზ რაღ-
ნილძიხს კარახეი იღრენს მიუნს. ლ
მღე ყარათახან ხმღ ზ რანს ზმასთ-
ნოგ ნახლ. ირ ასღ. თ რაღნილძიხს
კარახეი ხმღე მიუნს. ლ ზღ იჯ ჯა-
ღრიღი თხვიღე, ასღ ზღ ზანხ ან-
ჯხილძილძიხს ჯსთსხი. ისლ ჭიორღს
ღრანს ზ რაღნიღ აოღრენლღ ღქმან
ღ ზღრღ თღ კანღქმანსღ ყსთილძიხს.
კუნძამ კაღმღლ ლღძმანმღღე ღნიუნ
აოაღღინ რან ჯამაოაბელს ჯასთა-
თღ. ზღრ ზღ თ რაღნილძიხს ჯაღრი-
ღახეი იღრენს მიუნს:**

**იღაღღი რყჸ. ღღ აჸამ აოაღღინ
რანხი ლიღინ რღღქმანღრახან რანს.
ღღრ ზღ ხს რყჸ ასთმ. ლ ღიღ ჯა-**

მედ შე ამას ვიტყვ და შენ წინააღმდეგო-
მთ არ იტყვ ამას. მამა გამოგანინოთ

A, л. 11a.

კანონთაში იერ აღმოჩნებოდა. და ვი-
ნონიან თანშესიტყვისამან და უკუნი იქ-
ტეს წინაგანმწყოლ უკუნი რეუტვით. კდ
აღიღებს პირველსა წინაიმოსაგებულსა
სიტყუასა და ეტყუას. ვითარმედ ესრეთ
ვიდრეჲე. ვითარცა აწ აქა იხილეთ. პირვე-

B, л. 6a.

ლიცა | რა¹ დასწრული ერთი არს: ხო-
ლო პირველსა ეწოდების პროვლიმია,
რომედ არს სსშუაღმსამოსაგებული.
ხოლო სსშუაღმსამოსაგებული, რომედ არს
დაკაზმვამ. რამეთუ ამის დაკაზმვისა-
მიერ აღმოჩინების ეოველი აღმოჩინი-

C, л. 2b.

ნოა: და ესრეთვე სხუათაცაჲცა იხი-

D, л. 7b.

ლოა: რამეთუ უკუნი პირველად არა
ცნას მეურნაღმს სენი. ვითარ დაჰკაზ-
მოს წამალი. აწ ეს ცნობა პროვლიმად
ჰრცხეთ. ხოლო კატასევე დაკაზმვად...

3 კანონთაჲრ D. — 4-5 კანონთა D. — 8 ტყუა B.

კაკა გოქ ვაყ ხნ. და არე ვოვეგო-
გაღაქარალ ვითოგენ. ხე ჩერს კყო-
ნს რინარე კარგალ // ქიწარანო-

C, стр. 105.

ქხამარ და კეთო რაონა რქამარ-
თოინ რაკთხილქ. რარახელ ანონ ვა-
ნაღინ რნერქმარაკან რანან და ას-
ტქს აყაყს. ირატს ასო თხხერ.
ნახქინ და კათარიონს მხაყს ზ. და
ნახქინ კიჯი ყრიქქმარ. ირ ზ რნერ
მხღანს სთორაროქქინ. ჩსქ მხღ-

5

10

გინ კათასქქი. ირ ზ კადინქქინ.
ქსან რი აყაქი კადინქხამარ ხერ-
ქქი ქხნი კყო ონ ხერაკან რან. აყ-
ყას და ქ ქერა აყიღს თხხვთ. რი
ტქს იჯ კარასვქ ხმანალ რქქქი

15

რქქინ // არე ვაყ რითოქქინ ყრიქ-
ქქმარ ჯამარხეღქი. ჩსქ რქათასქქი
კადინქქინ...

ა. 1069რ¹.

20

17 რქქუხ выставлено по С, въ А ничего
не видно.

такъ выяснимъ на основаніи аподектическихъ законовъ». И когда принуди-
тельный законъ силлогизма докажетъ, и будетъ отраженъ опровергнутый про-
тивникъ, онъ опять беретъ первое слово, проблему, и высказываетъ его ему:
«слѣдовательно, такимъ образомъ», какъ это ты сейчасъ видѣлъ здѣсь, на-
чало и конецъ—одно и тоже. Первое слово называется проблемою, что зна-
читъ бросаніе на середину, а среднее — *κατασκευή*, т. е. *приготовленіе*, ибо
лутемъ такого *приготовленія* доказывается всякое положеніе. Также самое
ты можешь видѣть на другихъ предметахъ, такъ если лекаръ не познаетъ
предварительно болѣзни, какъ можеть онъ приготовить лекарство? Такъ
этотъ діагнозъ сочти проблемою, а *κατασκευή* — приготовленіемъ“...

У о. Иакова Дашяна приведенъ еще армянскій текстъ 46-й главы
сочиненія Прокла съ толкованіемъ (*ქიბძილნერ*) къ ней по двумъ версіямъ,
древней и гарнійскаго епископа Симеона, позднѣйшей ¹⁾. И текстъ, и толко-
ваніе древней версіи представляютъ точный переводъ соответственной части
грузинскаго подлинника съ нѣкоторыми искаженіями со стороны пере-
писчиковъ.

1) п. с., стр. 159—161.

Въ трудѣ Іоанна толкованіе слѣдуетъ за каждою главою Проклова сочиненія: толкованіе обыкновенно больше толкуемой главы, иногда въ нѣсколько разъ. Кромѣ того, тексту Прокла предшествуетъ Введеніе, судя по содержанію, особенно въ части о невыработанности грузинской терминологіи, дѣло рукъ грузинскаго переводчика. Грузинскому же переводчику, Іоанну Петрицкому, принадлежитъ и Послѣсловіе, въ рп. Азіатскаго музея № 174,а занимающее 24¹/₂ послѣднихъ листа. Армянскій переводчикъ сохранилъ Введеніе грузинскаго автора съ нѣкоторыми передѣлками, но совершенно опустилъ Послѣсловіе.

Наличные грузинскіе списки текстъ толкованія приписываютъ Іоанну, но оставляютъ насъ въ сомнѣніи касательно личности Іоанна, нашъ ли это Іоаннъ, грузинскій философъ, или кто другой. Армянскій переводъ устраняетъ это сомнѣніе, но вызываетъ въ насъ полное недоумѣніе, приписывая толкованіи «философу и ритору, аѳонскому епископу Амелахосу» или «Гомелахосу» или «Гомелахосу». Симеонъ, гарнійскій епископъ, то-же лицо, очевидно, на основаніи предлежащаго ему списка нашего армянскаго текста, называетъ Гамелахосомъ (*Յամէլախոս*¹⁾; о Дашянъ хотѣлъ видѣть въ немъ искаженіе Ἰάμβλιχος или Ἰαμφίλοχος, хотя ни съ однимъ изъ этихъ именъ неизвѣстенъ толкователь Проклова сочиненія. Такъ-то, Ἰάμβλιχος легко могло исказиться подъ перомъ армянскаго переводчика, особенно если онъ отъ себя внесъ указаніе на такого автора толкованія, позаимствовавъ имя одного изъ авторитетовъ, именно Гамвлиха: въ грузинскомъ текстѣ (гл. 13, толков., рп. Аз. музея, л. 54а, 24—25, гл. 17-я, толков., ц. рп., л. 62b, 19) имя написано *Կամփլոխիս Դամելիոսոս*, что при сходствѣ грузинскихъ начертаній для звуковъ «в» и «е» переписчику легко было прочитатъ *Կամփլոխիս Դамелиоսոս*. И, дѣйствительно, такую форму имени мы находимъ и въ грузинской рукописи Азіатскаго музея (№ 174, а): въ схолии къ 50-й главѣ (л. 144b—145а) толкователь какъ на одинъ изъ авторитетовъ вслѣдъ за Плотининомъ и Порфириемъ ссылается на «великаго *Դамелихоса*» (л. 144b, 26). Странно, конечно, почему въ армянскомъ текстѣ имя Іоанна въ качествѣ толкователя вытѣснено мало подходящимъ, да къ тому же исковерканнымъ «Гамелихосомъ», и почему онъ, если рѣчь идетъ, дѣйствительно, объ Гамвлихѣ, обращенъ въ аѳонскаго епископа? Но этотъ вопросъ можетъ получить отвѣтъ лишь по обследованіи всѣхъ армянскихъ и грузинскихъ списковъ²⁾. Во всякомъ случаѣ въ толкованіяхъ нѣкоторыя мѣста

1) ср. Дашянъ, *Պրոփղէ Գրականութիւնը Հաղագրը և Ճարտարագրութիւնը*, ц. м., стр. 33—34.

2) Въ доступныхъ мнѣ грузинскихъ спискахъ имя толкователя вездѣ гласитъ Іоаннъ, но между тѣмъ какъ въ рп. Азіатскаго музея это имя представлено не въ видѣ обычного сокращенія въ составѣ начальной и конечной буквъ (ԵԻ), а въ видѣ начальныхъ двухъ буквъ Іо (ԻՕ), подобно тому, какъ имя Прокла — въ видѣ начальныхъ двухъ буквъ Пр

не могут не принадлежать грузинскому переводчику Иоанну, какъ автору, такъ напр. въ гл. 14-й та часть схолии (рп. Аз. музея, л. 56а), гдѣ говорится о грузинскихъ формахъ словъ, или въ гл. 23-й, гдѣ по поводу перевода *ἀνατείνοντα* Проклова текста грузинскимъ *ჰოცხსტეგებებ* толкователь останавливается именно на этомъ грузинскомъ словѣ и даже пользуется его этимологіею (ц. рп., 80а—80б). По грузинской же традиціи толкованія къ главамъ Прокла цѣликомъ принадлежать нашему Иоанну¹⁾.

Вообще для армяно-грузинскаго міра, въ частности же и особенно для исторіи грузинской культуры труды Иоанна Петрицскаго, въ числѣ же нихъ на первомъ планѣ грузинскій текстъ *Богословскихъ началъ* Прокла имѣютъ специальное значеніе.

Въ комментаріи къ Проклу толкователь Иоаннъ вращается постоянно въ мірѣ не только неоплатониковъ, но и античныхъ поэтовъ и философовъ. Гезіодъ и Гомеръ снабжаютъ его матеріалами. Ипократъ, Емпедоклъ, Парменидъ часто его авторитеты. Платона, котораго особо величаетъ эпитетами «великій», «божественный», цитуетъ чаще. Имя Сократъ почти не сходитъ со страницъ памятника, гдѣ приводятся извлечения изъ ряда платоновскихъ сочиненій.

Цитуетъ Иоаннъ обильно и Аристотеля, котораго онъ однако кое-гдѣ критикуетъ, называя его смутнымъ или путаннымъ. Изъ писаній Аристотеля особенное вниманіе обращаетъ онъ на *Органонъ*.

Знаетъ вообще перипатетиковъ и схоластовъ Аристотеля. Конечно, пользуется онъ и различными неоплатониками. Среди нихъ на первомъ планѣ у Иоанна философы Плотинъ, Ямвлихъ и Порфирій.

Сопоставляя грузинскій текстъ въ оригиналѣ съ греческимъ подлинникомъ Прокла, мы наглядно видимъ высокія качества грузинскаго перевода, его идеальную стройность и въ тоже время вѣрность греческому подлиннику не только въ передачѣ смысла, но до крайней возможности и во внѣшней формѣ, въ построеніи фразъ и отдѣльныхъ словъ - терминовъ, даже въ

(УѢ), въ остальныхъ спискахъ, рукописяхъ Императ. Публичной бібліотеки (см. выше, стр. 66, прим. 2), оно сокращено въ одно начальное «І», такъ въ рп. В текстъ Прокла отмѣчается буквою **У**, а текстъ толкованія (Иоанна)—буквою **І**. Также самое наблюдаемъ и въ рукописяхъ С, Д и Е съ тѣмъ отанчіемъ, что буквы здѣсь использованы поменьше, иногда вовсе не начальныи, а строчныя: **чи** и **ѣ**. И, быть можетъ, это обстоятельство, наличие одной буквы «і» (**ѣ**) въ качествѣ имени толкователя, при отсутствіи вѣрной традиціи, армянскаго переводчика заставило пуститься въ собственныя догадки и раскрыть его въ имя Памелискаго¹⁾, подвернувшееся ему въ самомъ текстѣ толкованій.

1) Между прочимъ въ концѣ исторической записки царевича [Давида], «внука царя Ираклія», на русскомъ языкѣ читаемъ, что «философъ и богословъ Иоаннъ Петрицскій перевелъ *Метафизикку* Діадоха Прокла съ собственнымъ Иоанна Петриція толкованіемъ» (рп. Азіатскаго музея, Georg. № 5).

ვად და მორთვად ენისად. არმედ ძნელ-
 თაშორის გონებითა და ფილოსოფოს-
 თასა უოველს სილიტონეს და თან-
 მიუელას ენის ებრს ვუმხარეები და-
 5 დეპად ვიდრე სდადის შეტითა სილი-
 ტონითა დაშლად და ვნება გონებასა
 არ შეემთხუზადის. რამეთუ უოველი
 ჭაზრი ჩემი მათშორის გონებისა და
 ნედვისათს არს ანუ და სიტყვებე-
 10 თი იოს გინა და სწავლულეებითი ანუ
 და ბუნებითი და ღისამეტყუზლებითი.
 ვითავე ამათს წინადათ ნემესიოას წიგ-
 15 ა, ლ. 369ა. ნისს შეწყობასაშინა შექმნაგა

либо обычное и легкое, но при пере-
 водѣ трудныхъ, умозрительныхъ и
 философскихъ сочиненій я считаю себя
 обязаннымъ примѣнять всяческую
 простоту и слѣдовать особенностямъ
 языка (подлинника) до крайней сте-
 пени, т. е. пока отъ чрезмѣрной про-
 стоты не нанесется ущербъ и не на-
 рушается умозрѣніе, такъ какъ въ
 такихъ переводахъ всѣ мои мысли
 направлены на умозрѣніе и теорію,
 касается ли (книга) логики или како-
 го либо ученія, по физиологіи ли ова
 или по богословію, какъ передъ этимъ
 я счелъ себя обязаннымъ посту-
 пить при обработкѣ книги Немесія“.

Ввиду такого взгляда на свою задачу, Іоаннъ Петрицскій перево-
 дилъ не только мысли, но и слова, даже такіа слова, которыя существуютъ
 на грузинскомъ языкѣ: термины его не удовлетворяютъ, разъ они не покрыва-
 ютъ или этимологически или иногда хотя бы по числу слоговъ подлинныя
 греческія слова переводимаго философа, такъ какъ неоплатонизмъ широко
 пользуется при толкованіяхъ грамматическими или иными особенностями
 самихъ словъ, и Іоаннъ стремится облегчить передачу всѣхъ этихъ тон-
 костей греческой діалектики, сохранить въ грузинскомъ текстѣ всю полноту
 сложныхъ упражненій неоплатоническаго умозрѣнія. Въ связи съ этимъ
 за Іоанномъ Петрицскимъ слѣдуетъ признать громадную заслугу въ
 грузинской литературѣ: ему мы обязаны готовою философскою терминологи-
 ею на грузинскомъ языкѣ, замѣчательно точно и кратко передающею
 грузинскими корнями всѣ тѣ термины, которые въ европейскихъ языкахъ
 существуютъ въ формѣ греческихъ или латинскихъ заимствованій. Надо
 при этомъ имѣть въ виду, что это богатство не оставалось мертвымъ ка-
 ниталомъ, когда въ Грузіи процвѣтала родная литература.

Въ эпоху разцвѣта древне-грузинской литературы, въ XII — XIII-й
 вѣка, можно насчитать десятковъ философовъ; въ числѣ ихъ имѣемъ Дми-
 трія, бывшаго въ 1125—1154-мъ годахъ царемъ и «занимавшагося фило-
 софією, богослова»¹⁾, Іезекиіа, «другого Петрицскаго, другого великаго
 Іоанна», «ритора, богослова, истиннаго философа»²⁾, Саргиса Тмогвели,

1) Антовій, წიგნბაღისიტყუბათა, 782.

2) ib., 766.

«увлекавшагося мудростью, философа-творца»¹⁾ и др. Въ половинѣ XIII-го вѣка жилъ еще о. Петръ: «видѣлъ я писанія философа Петра», говоритъ про него кат. Антоній, «и понялъ, что онъ риторъ»²⁾.

Вкладъ, сдѣланный въ грузинскую литературу Іоанномъ Петрицскимъ, былъ использованъ и тогда, когда послѣ долгаго перерыва въ Грузіи началось нѣкоторое, сравнительно, конечно, слабое оживленіе умственной работы въ эпоху помонгольскаго возрожденія.

Но значеніе Іоанна въ грузинской литературѣ не исчерпывается одною областью философіи.

Литературная дѣятельность Іоанна вызвала къ жизни у грузинъ новую переводческую школу, ставившую на первомъ планѣ безусловную точность и вѣрность подлиннику, безъ тѣхъ однако искусственностей, которыя допускалъ нашъ философъ. Наиболее виднымъ представителемъ этой школы является Ефремъ Младшій, ученикъ Іоанна Петрицскаго³⁾.

По письмамъ его, сохранившимся въ Іерусалимѣ и въ другихъ мѣстахъ и пока изданнымъ лишь въ извлеченияхъ, уже сдѣлана характеристика Ефрема Младшаго, какъ ученаго переводчика⁴⁾: памятники, выходявшіе изъ-подъ его пера, обработаны съ соблюденіемъ «самыхъ строгихъ и сложныхъ филологическихъ пріемовъ; не забыто ничто, ни установленіе и критика текста, ни самая scrupulозная точность перевода, ни сопоставленіе мнѣній различныхъ ученыхъ комментаторовъ».

Какъ новаторъ, Ефремъ подвергся сильнымъ нападкамъ со стороны части духовенства, державшей иныхъ традицій и авторитетовъ. Ефремъ тщетно указывалъ, что и онъ высоко цѣнитъ Еввоимія Святогорца, главный авторитетъ охранительной школы, но понимаетъ его иначе.

«Пусть не удивляется никто», пишетъ въ одномъ мѣстѣ Ефремъ, «что св. нашъ отецъ Еввоимій прошелъ мимо нѣкоторыхъ изъ этихъ (сомнѣній или затрудненій памятника), и онъ питалъ молокомъ и травами наше юное племя, тогда какъ теперь народъ, взрощенный Еввоиміемъ, его же милостью сталъ просить болѣе твердой пищи»⁵⁾. Ефремъ откровенно признавалъ, что Еввоимія онъ ставитъ на недосыгаемую для себя высоту, считаетъ его царственною, героическою фигурою, а себя — его слабымъ послѣдователемъ.

«Если сей левъ», говоритъ онъ про Еввоимія, «не кувыркался подобно

1) *ib.*, 083, 2—3.

2) *ib.*, 768—769.

3) см. ниже, стр. 89.

4) Н. Марръ, *Предварительный отчетъ о работахъ на Синаи и въ Іерусалимѣ*, стр. 28—31, ср. О. Жорданія, *საქართველოს I*, стр. 214—221, Е. Такайшвили, *Описание рукописей «Общ. распространения грамотности среди грузинскаго населенія»*, т. I, стр. 712—720.

5) Касательно сравненія см. Езникъ, *ბუღა უღუბა*, III, стр. 231.

карлику у дверей философовъ, зато прими взаимѣнъ то, что онъ скакалъ какъ левъ и какъ владыка, такъ какъ на повозку грузинъ онъ возложилъ снопы¹⁾ богословія, а я *при его же свѣтѣ* собралъ лишь отдѣльные колосья, чтобы нагрузить тотъ же возъ». Въ иномъ мѣстѣ Ефремъ прямо утверждаетъ, что онъ ученикъ другого, также вліятельнаго тогда въ охранительныхъ кругахъ учителя, Георгія Святогорца: «я посильно сохранилъ ученическую вѣрность великому учителю, свѣточу всей нашей церкви, Георгію Святогорцу», заявляетъ Ефремъ въ *Толкованіи апостоловъ*. Но тотъ же Ефремъ здѣсь умалчиваетъ, что его прямой учитель—Іоаннъ Петрицскій, о чемъ въ грузинской литературѣ существуетъ преданіе²⁾. И что особенно любопытно, это преданіе восходитъ къ самому Ефрему, судя по слѣдующему двустипию католикаса Антонія I-го въ его წყობილ სიტყუბობს:

«Самъ Ефремъ говорятъ, что учителемъ его былъ божественный философъ Іоаннъ»³⁾.

Лишь дальнѣйшія изысканія могутъ выяснить, подразумевается ли здѣсь учительство нашего философа Іоанна, если впрочемъ рѣчь о немъ¹⁾, въ отношеніи Ефрема или приверженность послѣдняго школѣ, основанной у грузинъ петрицскимъ философомъ. Въ новомъ біографическомъ матеріалѣ, извлеченномъ изъ рукописи Евѳиміемъ С. Такайшвили, въ числѣ учителей, преподававшихъ Ефрему, Іоаннъ не названъ⁴⁾.

1) ეფრემის შუბლი (შუბლივლი) букв. *осякій снопы*.

2) Н. Марръ, *Изъ книги царевича Баграта*, стр. 234.

3) წყობილ სიტყ. 748:

იტყუხ თუთ ეფრემ მოძღვრებ ყოფიხ თუნად
იოანეს ხელმითა ეფლოსოფობსა.

Въ изданіи *ეფლოსოფობსი*, но и при этомъ чтеніи смыслъ фразы тотъ же, лишь редакция ея измѣняется на столько, что въ переводѣ она будетъ гласить: «самъ Ефремъ говорить касательно божественнаго философа Іоанна, что онъ былъ его учителемъ».

4) По любезному сообщенію Е. С. Такайшвили въ письмѣ отъ 24 сентября 1908 г., „въ Гелатѣ [монастырѣ въ семи верстахъ отъ Кутанса] имѣется семь книгъ *Метафраса*, переписанныхъ въ 1565-мъ году. Въ одной изъ нихъ вслѣдъ за перечнемъ трудовъ Симеона Логовета Ефремомъ Младшимъ приведены свѣдѣнія о томъ, кто переводилъ на грузинскій языкъ «новыя (дѣянія) мучениковъ». По этимъ свѣдѣніямъ выходитъ, что Давидъ Тбѣтскій (Тбѣли) перевелъ (дѣянія) «св. Артемія, Критскихъ (мучениковъ) и Еленѳерія, Георгій Сятогорецъ перевелъ дѣянія «св. Георгія и Теодора и знаменія св. Теодора»; Стефанъ Сананойдзе перевелъ «чтеніе, акаѳисты и житіе Θεокриста Лебѣйскаго» и др., что же касается св. Евѳимія, онъ перевелъ только (дѣянія) Климентя и св. Прокопія изъ *Метафраса* (შუბლივლივანი) Логовета. За симъ Ефремъ продолжаетъ:

«ამით წიგნითა მამათა მადლობათა და კარლუბად რთობს
მეუბნით შუბლივლითა და ლოცუათა ბედისს სუენის სხვადა-
სათა შეუც სწავლადელი და ედღობს ხანისა და სხეულისა
ეფრემ შენებ და ეფრემ მანწმითი ღობს შოთა არა ცარე
მამქეთა წყობობა (ხანა?) აუცხეცხედა ჯეუბობან შუა-
ხეობათა მშობლის მისისათა და ეყოფათა წიგნითათათა
შობლად ეყრებათანა შენსეცხეცხეულის ბედის სხვა

«[милостью этихъ свв. отцовъ и смѣлымъ
отъ Бога заступничествомъ и молитвами
старца нашего Саввы Богъ и отъ меня,
жалкаго и недостойнаго въ схиמי, ни имени
Ефрема Младшаго, ветходаго монаха, не
отвратилъ неисчислимыхъ милостей. Заступ-
ничествомъ божьей Матери и всѣхъ святыхъ.

Во всякомъ случаѣ труды Ефрема обличали, что онъ—послѣдователь процвѣтавшей въ то время той или иной философской школы. Ефрема однако спѣшить укрыться подъ священную сѣнь патриархіи: «сомнѣнія свои я разрѣшалъ», сообщаетъ онъ, «распрашивая философовъ и митрополитовъ великой Антиохійской патриархіи и даже самого святого владыку, ученѣйшаго изъ всѣхъ». Болѣе того, Ефремъ прямо-таки отрекается отъ философскихъ и грамматическихъ школъ, вопреки очевидности.

Въ письмѣ къ Кирику онъ пишетъ: «какъ доподлинно знаетъ ваша старость, увѣнчанная деньми и благодатью, мы, послѣдующіе переводчики, учимся не въ школахъ философіи и грамматики, а изъ книгъ первыхъ труженниковъ-переводчиковъ». Такъ писалъ тотъ Ефремъ, про котораго и позднѣйшими грузинами не было забыто, что онъ «очень отличался въ философію»¹⁾.

Но сознавая, что для представителя охранительнаго теченія такія

თუხმბელოს სკულის მისათა, რომელმან ქმნიტეს მამკავ-
სებულათა სახეურებათა მტკარათ ემის სუფებისა და სუპა-
ბუების სემისისა და სხუთთვე უკველითა ქველს-მოქმედ-
ნათა თანა ესტა მინა სემ სედა. რომელ ბუნებულ-სიხვე-
წითა ციოსისა სწავლიათ იფურსა ჩემთს აცულის-მისა
ვერცხვანად მომხადებულსა. რომელ ამს მონასტერი წისა
სეჟორს სკანდელათ-მოქმედისა. რომლისა მკობითა და
აყნითა დიღისა მისისა მონასტრისითა ვისწავლე რამ-მე-
დადევითად თანა შემსკავებულად დუქლიათა და წარსავე-
ბულიათ წისა მის ბერისათა, არამედ ირად უმეტეს ძალისა
და მოსწავლების ჩემისაჲ. და მასვე ემისა მონასტ-
რისა და წარსავებულიათა მისითა ვიარაქნი ესე რაოდენ-
ს-მე სკავისენი დოლოთეტისა მქცავანთა-იანა...

Онъ сподобилъ меня дойти до ногъ вышеупомяну-
таго старца Саввы Тухариского, сына
Сулы. Хриstopодобною благостью взялъ онъ
меня на попеченіе въ годы юности моеѣи
и невѣжства и вмѣстѣ со мною другимъ
благодѣяніями оказалъ мнѣ и то, что по-
трудился надъ обученіемъ меня чтенію греческихъ
книгъ въ мѣстѣ, надлежаще об-
ставленномъ, именно въ монастырѣ св. Си-
меона Чудотворца, заступничествомъ котора-
го и покровительствомъ его матери Марыи я
кое-чему выучился, хотя и несоотвѣственно
трудамъ и тратамъ св. старца, но значи-
тельно выше силъ и рвенія моего. Тогда-же
по волѣ и за счетъ его я перевелъ эти чте-
нія изъ *Метафраза* Логовета...]

„Все хорошее со мною, говорить далѣе Ефремъ, «было по милости Саввы, и за-
тѣмъ продолжаться:

«ამის უთანა და უბრატეს უთის თანადეციებითა
სათრახსა და სასწუმბრახსა მოქმედისა მისისა [ესე იყო
სამს თუხმბელოს] და მამის მის ვაჟემ თუკველისათა.
რომელი იყო მეცხრემ ათა ციოსისა და აცოინების
ბუნებულისისა და კეთილად სწავლულ ქმნითულისა
სიტყუითა შეწყობილებისა და მით ობითთვე ობ-
კვერთოვე ქმნითუდა და იანა-ედა ნავლევანებისა ჩემსა.
და მათა მოკლედი კოქუბ. თუკველივე კვილი დობისისა.
მორ და ცეთა ჩემ სედა მამა (sic) თუკველი ბერისა სა-
ბანასი არისა...

„[со всѣмъ этимъ и иреже всего съ по-
вощью угоднаго и вѣрнаго ученика его [т. е.
Саввы Тухариского], отца нашего Ефрема
Ошкского [Ошкели [см. *Θ. Жорданія*, ქრო-
ნიკისა, I, стр. 227, 24], который, будучи свѣ-
дущъ въ чтеніи и пониманіи греческаго и
хорошо обученъ сочетанію грузинскихъ
словъ, исправлялъ въ этихъ обоихъ отно-
шеніяхъ мои недостатки и руководилъ. Го-
воря короче, всякое благо, отъ Бога и отъ
людей *исходившее* на меня, (привстекало
отъ) старца Саввы.]»⁴

„Изъ послѣдующихъ словъ узнаемъ, что до сихъ поръ неизвѣстный намъ Ефремъ
Великій былъ Ефремъ Ошкскій: его онъ называетъ великимъ (დიდი), а себя младшимъ (მცირე)“.

1) Н. Марръ, *Изъ книги царевича Баграта*, стр. 240: «ესე ვერცხვანად უდრდეს თუ-
თუკველითა-სობითა».

оправданія не покроють новаго «философско-грамматическаго» направлення его трудовъ, Ефремъ вынужденъ заявить о своемъ православїи: «касательно правой вѣры я готовъ отвѣчать», пишетъ онъ, «всѣмъ изслѣдователямъ и проклинаю всякую ересь и всѣхъ противниковъ святыхъ отцовъ и православныхъ соборовъ, давшихъ законы».

Если бы довольствоваться письмами Ефрема, обвиненіе въ еретицествѣ на него падало только за то, что онъ въ переводахъ отступалъ отъ традиціонныхъ текстовъ, за то, что онъ давалъ полные и болѣе точные переводы важнѣйшихъ памятниковъ христіанской литературы. На Синаѣ мы нашли документальныя данныя о такомъ раздвоеніи грузинскаго образованнаго общества X-го вѣка изъ-за вопроса объ исправленіи текстовъ, о перемѣнѣ ихъ согласно съ вновь добытыми свѣдѣніями. И здѣсь брало верхъ у грузинъ то теченіе, которое, допуская критику традиціонныхъ нормъ, очищало ихъ или отвергало въ зависимости отъ нарастающаго знанія. Успѣху такого прогрессивнаго взгляда въ древней Грузіи содѣйствовало то, что въ церковномъ дѣлѣ живое участіе принималъ народъ, міряне. Князья, соревнуя другъ съ другомъ, наперерывъ требовали новыхъ текстовъ, лучшихъ переводовъ. Антоній, въ мирѣ князь Лпваритъ, для монастыря св. Варлаама въ Абхазіи заказалъ списки новыхъ грузинскихъ переводовъ, произведеній афонцевъ, немедленно же по появленіи этихъ работъ въ свѣтъ¹⁾. Были, конечно, круги, не сочувствовавшіе нововведеніямъ, но до поры до времени имъ приходилось слѣдовать за общимъ теченіемъ.

Выѣшательство свѣтскихъ лицъ въ церковныя дѣла, ихъ стремленія къ улучшеніямъ и обновленію церковной жизни въ Грузіи мы видимъ значительно раньше XI-го вѣка. Монашество въ старину протестовало-было противъ такихъ притязаній.

За пиршественнымъ столомъ послѣ выбора католикоса Арсенія въ IX-мъ вѣкѣ царь Гуарамъ, читаемъ мы въ *Житіи Григорія Хандзійскаго* (гл. 42, 123—146, стр. 36²—363), „обратился къ епископамъ съ вопросомъ: «святыя Бога, если свѣтскій человекъ изъ нашей страны, изучившій священное Писаніе и знающій также языки, прибудеть въ Иерусалимъ или въ иныя святыя мѣста и увидитъ тамъ какіе либо хорошіе порядки, подобающіе христіанству и отсутствующіе у насъ, или же самъ додумается изъ чтенія книгъ и лично будетъ поучать необразованный народъ, хорошо ли это или нѣтъ?» Говоря это, государь имѣлъ въ виду нѣкоторыхъ многорѣчивыхъ.

„Тогда епископы отвѣтили: «написано — «опредѣленнаго груза доставочно для лодки. Если слишкомъ нагрузишь, она пойдетъ ко дну, а если на

1) *Житіе св. Георгия Святотурца*, изд. Тифл., стр. 316, 25 сл.

ней будетъ легкій грузъ, она сдѣлается добычею вѣтровъ и волнъ». Такимъ образомъ тотъ грузъ религіи и тотъ христіанскій порядокъ, который теперь у насъ въ странѣ, очень хороши. Богъ доволенъ . . . Если же мірянинъ догадается о какомъ либо хорошемъ порядкѣ, . . . лучше ему молчать, по слову апостола Іакова (3, 1): «братья, не многіе дѣлаются учителями!» Но если онъ не можетъ молчать, пусть самъ лично не проповѣдуетъ. Достаточно сообщить своему епископу. И если епископъ найдетъ пужнымъ, онъ наставитъ свою паству. Если же по гордости мірянинъ выйдетъ изъ предѣловъ и начнетъ поучать народъ инымъ новымъ порядкамъ, вмѣсто мзды при второмъ прішествіи Господа да достигнетъ его казаніе вмѣстѣ съ клеветниками и супостатами»¹.

Но охранительная тенденція грузинскихъ монаховъ IX-го вѣка не нашла поддержки даже въ монастыряхъ. Новаторы являлись въ самой монашеской средѣ. Тому доказательства имена—Евѳимій, Георгій, Ефремъ и др. Всматриваясь въ труды Ефрема, мы видимъ, что вліяніе одного современнаго философскаго направленія, вліяніе школы Іоанна Петрицкаго сказывается у него въ приемахъ перевода, да отчасти и въ выборѣ сочиненій. Въ перечнѣ трудовъ Ефрема называютъ книгу Аммонія¹), и, быть можетъ, это извѣстный неоплатоникъ Аммоній Сакка. Во всякомъ случаѣ чувствуется тяготѣніе его къ до-христіанской культурѣ, хотя бы при посредствѣ древнѣйшихъ отцовъ церкви, которые, стоя близко къ язычеству, сильнѣе отзывались на переживанія античнаго міра. О живомъ интересѣ Ефрема къ такимъ именно элементамъ, напр. въ словахъ св. Григорія Богослова, можно судить потому, что онъ далъ статью: «Мифологическія сказки, упомянутыя святымъ и великимъ Богословомъ Григоріемъ въ его книгахъ, на основаніи языческихъ книгъ». Интересъ Ефрема къ языческому міру легко объяснить, допустивъ его зависимость отъ современной философской школы, неоплатонической²). Неоплатоники считали свое ученіе наиболѣе зрѣлымъ плодомъ всей полноты греческой жизни; они думали, что корни ихъ ученія заложены въ той религіи древнихъ поэтовъ,

1) Пл. Иоселіани въ *საბჭოელთა ჟურნალი*, 743, примѣч. 137.

2) «Я постоянно аллегорически объясняю ученикамъ греческіе мифы», пишетъ между прочимъ Пселлъ про себя (Sathas, V, стр. 59—61, см. П. В. Безобразовъ, *Михаилъ Пселлъ*, стр. 125). Изъ этой и ей подобныхъ чертъ, конечно, нѣтъ надобности заключать, что Пселлъ, этотъ по выраженію Dräseke (*Psellos und seine Anklageschrift gegen den Patriarchen Michael Kerullarios* въ *Zeitschr. für wissenschaftl. Theologie*, т. 48 (1905 г.), стр. 255), «вдохновенный почитатель древняго міра», или тѣмъ болѣе грузинскіе писатели Ефремъ, да и Іоаннъ были физзалинами «въ современномъ смыслѣ слова», что они любили «классическую землю, какъ ее любятъ современные археологи», но тѣмъ не менѣе зарожденіе и замѣтный ростъ какого ни есть интереса византийцевъ XI-го вѣка къ античному міру болѣе важны, чѣмъ то кажется П. В. Безобразову, ч. с., стр. 183.

которая под формою боговъ, наслаждавшихся вѣчною юностью и вѣчными радостями, подразумѣвала вѣчную красоту и вѣчное блаженство міра. И потому неоплатоники раскрыли широкія объятія всей античной міеологіи, сраженной христіанскимъ ученіемъ, и стали возрождать ее, очищая басни мистическими толкованіями¹⁾.

Начитанностью въ языческихъ книгахъ, свѣдѣніями по міеологіи и поэзіи древнихъ грековъ Іоаннъ Петрицскій съ его послѣдователями оказали громадное вліяніе на содержаніе древне-грузинской письменности, поспособствовали появленію въ пей свѣтскаго направленія, зароженію внѣцерковной изящной литературы.

Съ одной стороны, грамотные грузины какъ-никакъ начали знакомиться съ произведеніями античнаго міра, хотя и въ отрывкахъ. Имена героев *Илиады* сдѣлались настолько общеизвѣстными, что вскорѣ грузинскіе писатели стали пользоваться ими для характеристики новыхъ типовъ, своихъ созданий или живыхъ современниковъ.

Съ другой стороны, неоплатоническое умозрѣніе расширило умственный горизонтъ грузинскаго общества. Самъ порожденный «эпохою, когда македонскія завоеванія расширили предѣлы древняго общества и соединили весь образованный міръ для одной общей жизни», неоплатонизмъ разбилъ исключительность религіозно-національнаго мышленія грузинъ и облегчилъ имъ тѣсное литературное общеніе съ мусульманскимъ міромъ. Недаромъ же неоплатонизмъ претендовалъ, что онъ охватываетъ какъ всѣ философіи, такъ всѣ религіи; не даромъ же утверждалъ неоплатоникъ Проклъ, что онъ священный толкователь философовъ всего міра. Литературное общеніе грузинъ съ народами пеламы могло лишь усилиться и, дѣйствительно, успливалось отъ наличія въ мусульманской, персидской изящной обработкѣ сказаній иранскаго міра, преданіями котораго такъ сильно была насыщена подобно Арменіи и Грузіи. Въ одѣ царю Давиду Строителю,

1) Herm. Kirchner, *De Procli neoplatonici metaphysica*, I, Берлинъ 1846, стр. 6—7: «A connexa autem tota summorum philosophorum, Parmenidis, Platonis, Aristotelis speculatione haec magnifica disciplina [neoplatonica], quasi conscia, se tanquam maturissimum fructum ex tota Graeci populi vita enatam et radices suas jam in illa antiquorum poetarum religione positas esse, quae sub forma deorum aeterna juventute et aeternis gaudiis fruuntium aeternam mundi pulchritudinem et beatitatem intuetur, — eo processit, ut totam mythologiam antiquam a Christiana doctrina jam concussam in latum suum sinum reciperet, eamque fabulis per mysticas interpretationes subiectas purgatis quasi regeneraret. Quin etiam altius evolans uti omnes philosophias ita etiam totius orbis religiones complecti seque earum explicatricem profiteri ausa est, et is vir, de quo mox acturi sumus, philosophum totius mundi esse hierophantem affirmavit. Дѣлается при этомъ ссылка на Марина, *Vita Procli*, гдѣ между прочимъ про Прокла читаемъ (изд. Joh. Fr. a. n. c. Voissonade, Лейпцигъ 1814, гл. XXII, стр. 18): «κατὰ ταύτην δὴ ἐνεργῶν ὁ φιλόσοφος, πᾶσαν μὲν θεολογίαν ἑλληνικὴν τε καὶ βαρβαρικὴν καὶ τὴν μυθικῶς πλάσματος ἐπισκίαζομένην κατέειπε τε βραδίως καὶ ἐθέλουσί τε καὶ δυναμένους συνάψασθαι εἰς ὧς ἡγάγεον, ἐξηγομένως τε πάντα ἐνθουσιαστικώτερον, καὶ εἰς συμφωνίαν ἄγειον».

написанной въ началѣ XII-го вѣка, рядомъ съ античными воспоминаніями или, точнѣе, именами появляются имена героев *Шах-намэ*.

Возникновеніе и дальнѣйшее развитіе грузинской свѣтской литературы подъ сильнымъ вліяніемъ персидскихъ образцовъ завершилось, какъ извѣстно, появленіемъ поэмы *Барсова кожа*. И въ ней замѣчаются еще нѣкоторыя черты, указывающія на знакомство автора ея, Шоты Руставели, съ писаніями неоплатониковъ. Но какъ въ Арменіи, такъ въ Грузіи рядъ стихійныхъ нашествій, въ этотъ разъ монгольскихъ, постепенно упразднилъ всю культурную работу грузинъ, смель съ лица земли ея крупныя результаты и вернулъ Грузію въ первобытное сравнительно состояніе.

Если, однако, въ противоположность Арменіи, умственное движеніе, вызванное неоплатонизмомъ, въ Грузіи оказалось все же творческимъ и болѣе широкою масштабъ и болѣе плодотворнымъ, это объясняется болѣе продолжительнымъ вѣдшимъ спокойствіемъ и, кромѣ того, исключительное благоприятными внѣшними условіями, въ которыхъ находилась грузинская образованность въ концѣ XI-го вѣка. Зарожденіе широкихъ литературныхъ интересовъ, новыхъ вкусовъ, мы замѣчаемъ и въ Арменіи вслѣдъ за пересадкою греческой философіи на армянскую почву. Но эти новыя исканія тамъ не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ арабскія опустошенія въ VIII-мъ вѣкѣ не дали возможности свѣтской тенденціи свить себѣ гнѣзда для независимаго выраженія въ литературѣ, въ первый же моментъ не было армянскихъ литературныхъ интересовъ внѣ монастырей, а писатели этого круга, какъ напр. Моисей Хоренскій, оставались глухи даже на настойчиво обращенные къ нимъ такого рода запросы. Что же касается Грузіи конца XI-го вѣка, въ ней при дворѣ Давида Строителя, царя абхазовъ, грузинъ и прочихъ племенъ грузинскаго государства, имѣлся литературный кругъ, интересы котораго не были связаны церковными преданіями. Этотъ кругъ располагалъ тогда уже готовыми образцами персидской поэзіи, наслаждался ими въ подлинникахъ.

По существу же грузинскій неоплатонизмъ XI—XII-го вѣковъ настолько повторяетъ всѣ особенности и приемы философскихъ работъ армянъ въ эпоху эллинофильства, приблизительно въ VII—VIII-ой вѣка, что первый кажется сколкомъ второго. И, дѣйствительно, возможно, что была нѣкоторая преемственность между армянскою философскою школою и грузинскою. Возможно, что нѣкоторыя традиціи армянской школы, напр. такъ называемые «матеріальные переводы», унаслѣдованы отъ армянъ¹⁾.

1) Любопытно свѣдѣніе о пребываніи самого «армянскаго» философа Давида Непобѣдимаго въ Грузіи: его приводитъ Зарбаналянъ (*Հայկական հին դարերի մասին պատմություն* 3, стр. 322) изъ Араке́ла Сюнійскаго, ігъѣѣ, Սահմանագ: «обличенные имъ (философомъ Давидомъ), армяне презрѣли его самого и его рѣчи и нанесли ему оскорбленіе дѣй-

Въ писаніяхъ Іоанна Петрицкаго, переводившаго непосредственно съ греческаго, встрѣчается нѣсколько терминовъ армянскаго происхожденія¹⁾. И или они заимствованы изъ древнихъ, недошедшихъ до насъ грузинскихъ памятниковъ, переводовъ съ армянскаго, или ихъ усвоилъ самъ Іоаннъ изъ непосредственнаго знакомства съ писаніями армянъ-халкедонитовъ, которые, какъ мы теперь знаемъ, входили въ составъ братьи его родного монастыря, Петрицонитиссы.

Болѣе общее значеніе имѣетъ причина появленія грузинскаго неоплатонизма, въ частности источникъ зарожденія въ Іоаннѣ Петрицкомъ интереса къ неоплатонизму.

ствіемъ (*Հարկեալ վերաբերելի զնա*), и ояъ отправился въ Грузію, гдѣ оставался до кончины». Кстати, не лишне обратить здѣсь вниманіе на слѣдующій случай, подтверждающій близость Давида Непобѣдимаго, точнѣе армянскаго переводчика *Սերի Երմուեաց* къ грузинскому міру. Въ армянскомъ переводѣ *Սերի Երմուեաց* имѣется положеніе [Венеція 1833, стр. 505]: *Բանիկն եւ ոչ ներ թահն պիտի նշանական, այլ ձայն է պիտի արձայն* *Такъ какъ и съ Зака-п значущимъ не является акэ-п, это теперь лишь звукъ. Къ этому мѣсту Давидъ Непобѣдимый пишетъ [ц. изд., стр. 506]: «(Аристотель) доказываетъ, (исходя) отъ какого-то животнаго, называемаго Закап, ибо, если въ началѣ его произносимую букву отнимешь, останется акэ-п, и болѣе не будетъ означать того, что означало оно съ тою буквою, такъ какъ, произнося Закап, обозначаютъ нѣкій видъ неразумнаго животнаго, а акэ-п болѣе не видъ животнаго, а нѣкая частица одареннаго разумомъ или бессловеснаго животнаго, какого-бы то ни было [акэп по-армянски — *լառ*]; слѣдовательно, это акэп въ Закап-ѣ ничего не означаетъ, а лишь звукъ, какъ бы не имѣющій значенія шума». Отъ Давида Непобѣдимаго заимсись и Іоаннъ Ерзикайскій, своеобразно примѣняющій тотъ же лексическій матеріалъ, въ иномъ направленіи, когда онъ въ своей *Грамматикѣ* пишетъ: «какъ то животное, что называется Закап. Если кто отъ него отниметъ одну букву, оно означаетъ акэп [лаза]». Въ Большомъ словарѣ, гдѣ всѣ эти питаты приведены подъ словомъ *Թահն* [Закап], последнее толкуется такъ: «какое-то животное неизвѣстное или измышленное для примѣра, въ греческомъ подлинникѣ стоитъ *мышь* (*μῦς*)». Между тѣмъ Зака-п (< *Zaku-n*, по аналогіи перенесенное въ основы -*ап*: Зака-*ап*) въ значеніи *мышь* не неизвѣстность и не измысленіе, а вполне ясная транскрипція, съ замѣною лишь звонкаго *g* глухимъ *k* (ср. мингр. *ჭკვი* *tuk-i* [изъ **tokv-i*]) грузинскаго слова *ჭკვი* *čaku-i* (< **taku-i*) *мышь*. Но почему Давидъ Непобѣдимый, точнѣе армянскій переводчикъ Аристотеля, уподобляетъ въ качествѣ нагляднаго примѣра это никому изъ армянъ неизвѣстное слово, столь близко родственное съ грузинскимъ?*

1) Напр. *Գրգռեալ* (гл. 34, стол., л. 114а, 1б) *коренится* отъ *բուռ*, *բոռ* (гл. 8, стол., л. 38а, 3) въ значеніи *образа*, какъ арм. *Գրգր*, *գրգր* *сильный* въ Послѣсловіи (л. 13а, 17, 13б, 8), транскрипція армянскаго слова *Գրգր*, *գրգր* *круизъ*, *теср. округность, линия круиза* въ Послѣсловіи (л. 11а, 11 et pass.), транскрипція арм. *Գրգր*. Въ грузинскомъ текстѣ Немесія (*О природѣ человека*, гл. II, VIII) *գրգր* стоитъ (рп. Общ. распростр. грамотн., № 339, тетр. III, л. 7б, 17, 8, 16, тетр. VIII, л. 8а, 2, 6) въ соответствіе греч. *γρῆμις*, арм. *գրգր* *линія*. Вагианіемъ армянской терминологіи можно бы объяснить то, что въ нашемъ текстѣ слово *լառ* *членъ, буква* употребляемо въ значеніи *стихія, элемента*. Въ армянскомъ слова для обозначенія тѣхъ же повятіи почти тождественны: *տառ* *буква* и *տիրր* *стихія, элементъ*. Любопытно отмѣтить, что терминъ *լառ* въ значеніи *стихія, элемента* встрѣчается и въ отрывкѣ церковнымъ письмомъ «мудрѣйшаго» Аммонія (*Ամմոնիոսեց Կենսեան Թմանուհեան*), озаглавленномъ *Վանկեցեցեալ Երտոտ վնտ Գրգր Զանգրոսի Գրգրուհեանեան* *Воспоминанія къ патрѣ глашару философа Порфирія* (рп. Императ. Публичн. библ., Собр. кн. Грузин. № 349). Зѣтисъ на полѣ л. 3б читается гласса церковнымъ письмомъ: *ևստը Թանոս Երտոտ Գրգրի քեց Գր Զան ԶԳր. Գրգր, Կենս. Գր Գրգրուհեան*. Кстати, въ томъ же отрывкѣ употребленъ приведенный выше армянскій терминъ *գրգր* *tir-i* съ глассою церковнымъ письмомъ на л. 6а: *ևնեց Գրգր Զեցցուհեան Գրգր քրծալ քրուս—տիր-իւ*.

Иоаннъ Петрицскій жалуется на преслѣдованіе, которому онъ подвергся за занятія философіею и со стороны грековъ, и со стороны грузинъ. Текстъ жалобы гласить (рп. Аз. музея, Послѣсловіе, лл. 367b — 368b):

ვინაჲ მემჩობლეთა და მრავალმრ-
 ჩობლთა და ერთგითთა ღმობათაგან
 მადმოავიბნეული, სენთა, უცხუებათა
 და შურთა და ვერცაგობათა საკუმიდისა-
 5 გან მექმე აწ ამის უამის ქართველთა
 და ბერძენთაშობრის. ქართველნი თანა-
 დგომისა წილ და თქუისა ესთა. ვი-
 თარმედ წმიდას განგებას ღმისსა კაცი
 10 ტომისაგან ჩნისა უწარმოებათა კელ-
 ოავებთაგან სულთა დაკელავებუელი.
 ხელო სეღვათაგან გონებისათა გავო-
 ნებუელი. ვინაჲ თან დაუკეთ, ვაძუ-
 15 ლოთ. ღმობათა მისთა || უნუბქისინსოთ
 ტკივილთა მისთა ვეწამლეთ და ფა-
 რულთა მისთა ცხადად ვეზარაკეთ. რა-
 თა ვითარცა უცხოდ ბუნებისაგან წარ-
 მოარსებულსა მსგავსი და ნაცვალთა მისი
 უშიინოთ. რამეთუ მედინისა ბუნები-
 20 სისა უცნაურობსა: არ ესთა. არ რაჲ
 ვერ იგულისხმავს. ვითარმედ «ბრ-
 ქალს ჩემსა უმხირადეს სსაფერკოდ
 სულისა ჩემისადა». ვინაჲ ძვირთასნცა
 უძქირეს ესე. რამედ ორითა იძუ-
 25 რობოვადეს უმეტრებითა. პირველ მარ-
 ტივად უმეტრებითა სსწავლობათაჲთა
 და ედ მეორედ თუთ მის უმეტრებისა
 უმეტრებითა. ვითარ იტყუს სოკრატ.
 რამეთუ ძნელ სენი. არამედ უფიცეს

„Посему я, творецъ (сочинитель),
 расточался въ скитаніи среди
 грузинъ и грековъ отъ однокачествен-
 наго, но двойного и дважды много-
 кратнаго страданія, отъ костра болѣз-
 ней, пребыванія на чужбинѣ, зависти
 и вѣроломныхъ отношеній. Грузины
 (преслѣдовали) вмѣсто того, что-бы
 помогать мнѣ и говорить такъ: «свя-
 тое божье провидѣніе произвело изъ
 нашего рода челоуѣка, душою изо-
 щреннаго въ искусствахъ и умуд-
 реннаго умозрѣніями; посему поми-
 римся съ нимъ, заставимъ его, бу-
 демъ врачевать неутѣшныя его боли
 и обслуживать открыто скрытыя его
 нужды, чтобы дать ему чудесно при-
 веденному въ бытѣ природою, воз-
 можность оставить подобнаго себѣ
 и преемника, ибо челоуѣкъ — созданіе
 быстротечной природы, и не знаетъ
 онъ о часѣ своего разрушенія». Не
 такъ (однако было). Ничего гру-
 зины не уразумѣли: «они глядѣли въ
 пятую мою для соблазна моей души».
 Почему заѣе злого было то, что они
 были одержимы сугубымъ невѣже-
 ствомъ, во первыхъ, простымъ незна-
 комствомъ съ науками и, во вторыхъ,
 незнапемъ своего незнапія, какъ
 говорятъ Сократъ: «жестокѣ болѣзнь,
 но еще болѣе жестоко незнаніе че-
 ловѣкомъ того, что онъ боленъ».

D, л. 189a.
 A, л. 368a.
 B, л. 159b.

1 ვინ AD. — 17 მსკვს კის A. — 23—24 მკროთისკვა უზრეს D.

ჟუეტრება სენისაჲ. ვინაჲ თუმცა მე რაჲვე თანსიუარული და შეწევნა მჭუჭნებოდა მათგან. თანა ვხედავს ღმრთის განკეთებას. და თათ მათ ხედ-
 5 ვათა ვუვტავ სურვილს. რომელ ენაჲმცა
 A, ა. 368b. ენისაჲ და შეწეო და ხედივამცა ფილო-
 სოფოსთა განცდასა შესრისტოტელ-
 ურს და ღმრთეუჭუჭლება ნივთისა
 გან მიუხებელი წარმომეყნა: —

Потому (я утверждаю:) если бы мне была оказана какая либо любовь и помощь, я прошелъ бы мимо противостоянiя божьихъ судьбъ и, клянусь самиямъ стремленiемъ къ теорiямъ, я бы и языкъ (грузинскiй) отдѣлалъ подобно (греческому) языку и теорiю философскаго умозрѣнiя выработалъ подобно Аристотелю и выставилъ бы богословіе, неприкосновенное для (растлѣвающей) матерiи“.

Въ отрицательномъ отношенiи къ своимъ сородичамъ грузинскiй философъ Іоаннъ поразительно напоминаетъ древнихъ армянскихъ писателей, взрощенныхъ въ той же философіи. Онъ точно повторяетъ, перемѣнивъ лишь адресата, жалобы и нападки на армянское невѣжество, — жалобы и нападки такихъ эллинофиловъ, какъ Моисей Хоренскiй и Лазарь Парбскiй.

Впрочемъ подобно армянскимъ эллинофиламъ, Іоаннъ въ своихъ нападкахъ имѣлъ отчасти и оправданіе. Философія до него не пользовалась въ грузинской литературѣ преимущественнымъ вниманiемъ. Повидимому, не въ чисто грузинской средѣ народился интересъ Іоанна къ неоплатонизму.

Однако Іоаннъ жалуется на гоненіе за занятія философіею и со стороны грековъ. И, дѣйствительно, у византiйскихъ грековъ вражда къ античной философіи, даже въ ея неоплатонической перелицовкѣ, особенно сильна.

Проклъ Діадохъ въ Византiи вызвалъ цѣлый рядъ опроверженiй. Его опровергали Прокопiй Газскiй (V в.), Эній Газскiй (V в.), равно Іоаннъ Филопонъ (VI в.¹⁾). Это однако все древніе апологеты чистоты христіанскаго ученiя въ охранительномъ духѣ. Дошло до насъ опроверженіе Прокла и съ именемъ Николая, византiйскаго писателя XII-го вѣка. Про него у Крумбахера читаемъ²⁾: «Николай, епископъ Меона въ Пелопонезѣ, до новѣйшаго времени слылъ за выдающагося богослова XII-го вѣка... Его писательская слава постепенно была совершенно уничтожена... Особенно большое значеніе (въ этомъ дѣлѣ) имѣло открытіе Russos'a³⁾, что 146 глава Ἐνάπτυξις τῆς Θεολογικῆς στοιχειώσεως Πρόκλου Николая буква въ букву

1) Russos, Τρεῖς Γαζαῖοι, Συμβολαὶ εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς φιλοσοφίας τῶν Γαζαίων, Константинополь 1893, стр. 3.

2) *Geschichte d. B. L.*, стр. 85.

3) Τρεῖς Γαζαῖοι, стр. 57—69.

совпадаетъ съ фрагментомъ полемическаго сочиненія Прокочія Газскаго, противъ Прокла».

Своему открытiю Руссо съ однако придалъ преувеличенное значенiе. Что еп. Николай использовалъ Прокочiя Газскаго, не назвавъ источника, это ясно. Можно бы допустить и то, что онъ цѣлкомъ повторилъ его. Но неудовлетворительно объясненiе Руссо для такого поведенiя меевскаго епископа. По мнѣнiю Руссо (и. с., стр. 63), «Николай пишетъ противъ Прокла не потому, что Θεολογική στουχείωσις неоплатоника угрожалъ его паствѣ: въ ущельяхъ Еримавва и Таугета», вронизируетъ Руссо съ, «вовсе не былъ тогда ежедневнымъ чтенiемъ Στουχείωσις ликійскаго философа». «Николай пишетъ полемическiя сочиненiя потому, что и древнiе великiе отцы полемизировали съ язычествомъ, и онъ полемизируетъ для того, чтобы его мудрости удивлялись современники. Выбираетъ же Николай Στουχείωσις Прокла на томъ основанiи, что противъ этого труда писалъ уже Прокочiй, сочиненiе котораго, *кажется* (φαίνεται), оставалось неизвѣстнымъ, такъ какъ никѣмъ оно не цитируется. Съ этимъ сочиненiемъ Николай могъ совершить плагиатъ незамѣтно (ἀνωδύτως) безъ страха быть открытымъ, тогда какъ опроверженiе Филопономъ Прокла касательно вѣчности было извѣстно болѣе, чѣмъ нужно». Руссо съ еще разъ, въ заключенiи (стр. 69), возвращается къ тому, что «Ἀνάπτυξις Николая происходитъ не изъ XII-го вѣка, гдѣ нѣтъ для него подходящихъ условiй (ἀνάριστος καὶ ἀνευ λόγου), а изъ конца V-го вѣка и изъ Газы, гдѣ естественно и понятно (φυσική καὶ αὐτονόητος) происхожденiе полемическаго сочиненiя, направленного противъ Прокла, такъ какъ» «Газа до послѣднихъ дней держалась цѣлко эллинизма, въ борьбу съ которымъ вступали на мѣстѣ Энiй, Захарiя и Прокочiй». Кромѣ того, Руссо съ указываетъ на молчаливыя заимствованiя Николая изъ древнихъ памятниковъ. Эти интересныя литературныя указанiя Руссо съ выясняютъ лишь приемы еп. Николая, его неспособность къ самостоятельной работѣ и, допустимъ, плагиаторство, но отнюдь не доказываютъ, что въ то время не было вовсе интереса къ Проклу.

Ошибочное заключенiе Руссо съ основано на томъ, что онъ интересъ къ Проклу предполагалъ почему-то лишь въ язычникахъ или при наличiи язычниковъ¹⁾.

Можно лишь сказать, что интересъ къ неоплатонизму, существовавшiй въ греческомъ обществѣ XII-го вѣка, былъ слабымъ переживанiемъ недавняго прошлаго. Это переживанiе ничего грознаго, ничево жизнеспособнаго въ себѣ уже не содержало. Византiйцы успѣли къ началу XII-го вѣка умерт-

1) Russos, и. с., стр. 4—5, 7, 58—59 et pass.

вить у себя это для тогдашних условий плодотворное течение, забившее было живительною струею съ половины XI-го вѣка между прочимъ въ лицѣ характернаго византийца Пселла.

Два крупныхъ имени въ исторіи философскаго мышленія того времени, Михаилъ, въ мірѣ Константинъ, Пселлъ и Иоаннъ Италъ, къ сожалѣнію, не одинаково изучены. Факты заставляютъ насъ больше вниманія обратить на Иоанна¹⁾. Къ сожалѣнію, произведенія его, по всей видимости, не всѣ дошли до насъ, да и извѣстныя полностью не изданы²⁾. Между трудами Иоанна, грузина, и писаніями Иоанна Итала наблюдается тѣсная связь³⁾. Приходится жалѣть, что за отсутствіемъ изданія полнаго собранія его сочиненій нельзя рѣшить невольно выступающей передъ нами вопросъ, не воспроизводитъ ли на грузинскомъ языкѣ Иоаннъ Петрицскій въ комментаріяхъ къ Проклу толкованій своего византийскаго тезки, хотя принято думать, что Иоаннъ Италъ больше вниманія удѣляетъ Аристотелю, выше его цѣнить, тогда какъ Иоаннъ Петрицскій, пользуясь и Аристотелемъ, напр. *Орианономъ*, безусловный поклонникъ Платона и особенно преклоняется передъ Прокловымъ пониманіемъ этого античнаго философа. Такимъ образомъ грузинскій философъ своими научными симпатіями какъ будто болѣе приближается къ Пселлу, одно время профессору, на лекціяхъ котораго или, какъ говоритъ самъ Пселлъ, «у ногъ котораго сидѣли въ качествѣ слушателей даже арабы и люди Запада». Но, какъ выясняетъ Дим. Брянцевъ, «судя по тѣмъ отрывкамъ, которые теперь изданы, Италъ не

1) Общій, довольно популярный обзоръ дѣятельности І. Итала, главнымъ образомъ на основаніи работъ Ф. И. Успенскаго по источникамъ, см. у Ferd. Chalandon, *Essai sur le règne d'Alexis I-er Comnène* (1081—1118) въ Mémoires et documents publiés par la Société de l'École des chartes, IV, Парижъ 1900, стр. 310 сл. Наиболѣе обстоятельное изученіе философскихъ и богословскихъ положеній въ ученіи І. Итала даетъ Димитрій Брянцевъ въ двухъ статьяхъ: а) *Иоаннъ Италъ и его философско-богословскія воззрѣнія, осужденныя Церковью* (Исслѣдованіе начала богословско-философскаго движенія Византии въ средніе вѣка) (Вѣра и разумъ, журналъ богословско-философскій, Харьковъ 1904, т. II. — ч. I. Отдѣлъ философскій, стр. 243—272, 305—336, 402—422, 435—452, т. II. — ч. II. Отдѣлъ философскій, стр. 231—246, 255—276, 293—308, 309 [по опечаткѣ 305]—328 [по опечаткѣ 324], 337—357, 371—381) и б) *Иоаннъ Италъ, византийскій философъ конца XI вѣка* (ц. журналъ, 1905, т. II. — ч. I. Отд. филос., стр. 153—166, 193—212, 229—237). Новые матеріалы по источникамъ послѣ Ф. И. Успенскаго въ рецензіи на его *Очерки и Синодикъ* обнародовалъ П. В. Безобразовъ (Визант. временникъ, III (1896), стр. 125—150).

2) «Въ послѣднее время количество данныхъ о немъ», говоритъ Дим. Брянцевъ, «увеличилось, хотя ихъ еще нельзя считать вполне достаточными для обрисовки его личности и дѣятельности» (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 247).

3) Между прочимъ Д. Брянцевъ въ изложеніи философскихъ взглядовъ І. Итала выдвигаетъ различіе имъ трѣхъ видовъ бытія, причиннаго, зависимаго и участвующаго (ц. с., Вѣра и разумъ, 1905, т. II.—ч. I. Отд. филос., стр. 154—159). Въ грузинскомъ толкованіи 30-й главы *Богословскихъ началъ* Прокла дается тоже различіе бытія съ удержаніемъ въ грузинскомъ переводѣ, а также въ транскрипціи греческихъ терминовъ κατ' αὐτὸν, κατ' ὑπαρξίν и κατὰ μέθεξιν (рп. Азіатскаго музея, № 174, а, лл. 103b—105b).

отдавалъ исключительнаго предпочтенія ни одному изъ упомянутыхъ философъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ считалъ мнѣнїе Аристотеля справедливымъ, онъ отдавалъ ему предпочтеніе, въ другихъ же случаяхъ несоглашался и опровергалъ его¹⁾». И въ дѣйствительности совершенно таково отношеніе І. Петрицкаго или переводимаго имъ автора въ толкованіяхъ къ Проклу. Во всякомъ случаѣ Іоаннъ Петрицскій съ Михаиломъ Пселломъ и Іоанномъ Италомъ не только дѣятели одной эпохи, но и одного поля пахари.

«По тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи», читаемъ у *Θ. И. Успенскаго*²⁾, «можно думать, что кругъ образованія у Пселла и Итала былъ въ сущности почти одинаковъ. Въ самомъ дѣлѣ, указывая на профессорскія занятія Итала и на его преподаваніе, Анна перечисляетъ тотъ же кругъ ученыхъ авторитетовъ, какой и Пселлъ въ своихъ письмахъ: Аристотель и Платонъ, Порфирій и Ямвлихъ, Проклъ. Пселлъ рассказываетъ съ своей стороны, что, ознакомившись съ философскими основами, онъ перешелъ къ Аристотелю и Платону, отъ нихъ къ Плотину, Порфирию и Ямвлиху, наконецъ, прибылъ къ дивному Проклу. Въ чемъ можно усматривать отличіе Итала отъ Пселла, это развѣ въ предпочтеніи его и особомъ вниманіи къ *Органону* Аристотеля³⁾». Въ свою очередь, мы къ этому можемъ прибавить слѣдующее: единственно, что отдѣляетъ Іоанна Петрицкаго по характеру литературной дѣятельности отъ этой группы лицъ, это языкъ—его работы дошли до насъ на грузинскомъ языкѣ. По душевному складу, готовности терпѣть за свои убѣжденія варваръ Іоаннъ Петрицскій ближе къ Іоанну Италу, вѣрному своимъ

1) *Іоаннъ Италъ*, Вѣра и разумъ, 1904, т. II.—ч. I. Отд. филос., стр. 310—312. Далѣе Дим. Бряндцевъ все болѣе и болѣе выясняетъ, что І. Италъ преимущественно неоплатоникъ. Въ наиболѣе для насъ интересной части своего изслѣдованія (ц. с., Вѣра и разумъ, 1904, т. II.—ч. II, стр. 235—246, 255—266 сл.), гдѣ выясняется физиономія І. Итала какъ философа, Дим. Бряндцевъ, полемизируя съ византиновѣдомъ, пишетъ (ц. с., п. м., стр. 265—266): «*Θ. Ив. Успенскій* самъ опровергъ свою мысль, что платоновскій характеръ философіи І. Итала несомнѣнен. Положенія же, на которыя онъ не обратилъ должнаго вниманія, даютъ основаніе заключать, что всѣ положенія одиннадцати главъ нѣтъ возможности рассмотреть съ одной точки зрѣнія философіи Платона, но всетаки основныя положенія несомнѣнно платоновскія» (ц. с., п. м., стр. 296—299 сл., 315, 316, 345). Для постановки вопроса, какъ понималъ его *Θ. И. Успенскій*, вполне достаточно этой доли платоновскаго вліянія, въ концѣ концовъ свидѣтельствующей все же о глубокой приверженности Итала Платону. Въ сторонѣ, по едва-ли ближе къ истинѣ, остается П. В. Безобразовъ, когда по тому же вопросу, опять таки возражая *Θ. И. Успенскому*, пишетъ (Визант. врем., III, стр. 131): «Если въ сочиненіяхъ Итала и оказывается некоторое вліяніе Платона, все же ввиду преобладающаго вліянія Аристотеля мы не имѣемъ достаточнаго основанія называть Итала платоникомъ».

2) *Очерки*, стр. 158.

3) ср. выше оговорку Дим. Бряндцева.

видеямъ и, какъ увидимъ, пострадавшему за нихъ, чѣмъ къ царедворцу Пселлу¹⁾.

Извѣстно, что Пселлъ согласился удовлетворить охранительную партію, когда отъ него потребовали исповѣданія вѣры, направленнаго противъ его же неоплатоническихъ идей. Онъ былъ тогда профессоромъ университета, основаннаго при Константиѣ Мономахѣ (1042—1055). И этотъ университетъ, и это философское движеніе, наиболѣе видныхъ представителей котораго мы имѣемъ въ Пселлѣ и Италѣ, находятся въ самомъ узлѣ столкновеній прогрессивной части византійскаго общества съ охранительною. И Нейманъ, и Крумбахеръ, да и вообще эллинисты-византинисты, мнѣнія которыхъ мы напрасно хотѣли бы провѣрить выводами ориенталистовъ-византинистовъ, ибо, къ сожалѣнію, таковыхъ пока нѣтъ, словомъ современные византинисты съ увлеченіемъ выдвигаютъ личный моментъ: творческую, порою точно титаническую фигуру Пселла. Въ капитальномъ учебникѣ Крумбахера²⁾ читаемъ, что Пселлъ «дерзнулъ даже платоновскую философію вызвать къ жизни послѣ долгаго сна и возвысилъ Платона надъ Аристотелемъ, философомъ церкви.³⁾» Едва ли вполнѣ убѣдительно постановка вопроса о генезисѣ явленія и у болѣе осторожныхъ и внимательныхъ къ мелочамъ изслѣдователей: они указываютъ на родственные проблески философскаго увлеченія и въ предшествующія эпохи, на непрерывность античныхъ традицій въ Византіи. Между тѣмъ вопросъ въ томъ и состоитъ, почему всегда наличные элементы слагались въ крупныя явленія, въ движенія широкаго размаха лишь въ опредѣленные эпохи. И Пселлъ, и Иоаннъ Италъ, и самъ царьградскій университетъ XI-го вѣка, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, по своему внутреннему содержанію представляютъ индивидуальныя воплощенія одного нераздѣльнаго культурно-общественнаго движенія. Соотвѣтственно прежде всего у насъ нужда въ выясненіи зиждательнаго начала или заваски, вызвавшей такой умственный подъемъ⁴⁾. И не есть

1) П. В. Безобразовъ, *Византійскій писатель и государственный дѣлатель Михаилъ Пселлъ*, стр. 88—89 сл., 194 et pass.

2) *Geschichte der B. L.* 2, стр. 433. Эту мысль находимъ еще у William Fischer: «Pselus hat den Plato für die damaligen Zeiten gleichsam wieder neu entdeckt, nachdem seit den Zeiten des realistisch gesinnten Photius der platonische Idealismus ganz verfehmt worden war, und gegenüber dem offiziellen Aristoteles die ältere Akademie wieder auf den Schild erhoben» (*Johannes Xiphilinus, Patriarch von Constantinopel* въ *Studien zur byzantinischen Geschichte des elften Jahrhunderts*, Wissenschaftliche Beilage zu dem Programm der Gymnasial- und Realschul-Anstalt zu Plauen i. V., 1883, стр. 30)

3) Мнѣніе, что Пселлъ былъ «возстановителемъ платонизма», П. В. Безобразовъ (ц. с., стр. 163 сл.) считаетъ справедливымъ «только отчасти», но для Византіи XI-го вѣка и этого было достаточно, ср. Н. Скабадановичъ, *Византійская наука и школы въ XI вѣкѣ* (Христіанское чтеніе, 1884, I), стр. 348—351 сл.

4) Поучительныя справки Ф. И. Успенскаго (*Дьялопроизводство по обвиненію Г. Итала*, ц. м., стр. 10—20 сл., см. также Н. Скабадановичъ, *Византійская наука и школы въ XI*

ли столь значительное культурно-общественное движение, столь ярко вспыхнувший умственный подъем произведение одного из тех глубоких творческих брожений, которые неизбежно возникали в византийском мире из приобщения свежих варварских сил к греческой образованности, из стремления к серьезному усвоению этой греческой культуры вплоть до ее античных основ народами, по классической терминологии, народами-варварами. Напрасно Карл Нейман в возбуждающей любопытство рчи *Byzantinische Kultur und Renaissance-Kultur*, произнесенной им несколько лет тому назад в Гейдельберге в собрании немецких историков, — напрасно услых западного ренессанса усмотрел в наличии в Европе варваров, которых будто недоставало византийской культуре в качестве творческого начала.

Нейман, на мой взгляд, проглядывал наиболее важные, да притом очевидные факторы неуспеха византийского ренессанса. Он забыл, что Византия — понимаемая ее, конечно, как комплекс христианских стран и народов, живших одною общою, родною для всех византийскою культурою, — эта Византия, пострадавшая не мало раньше от нашествия арабов, и послѣ начавшагося было в XI-м вѣкѣ возрожденія перенесла рядъ стихійныхъ варварскихъ нашествій. Изъ нихъ появленіе европейцевъ на Востокѣ въ лицѣ крестоносцевъ сказалося едва-ли не наиболее пагубно на дальнѣйшемъ развитіи мѣстной византийской культуры. Вслѣдствіе этого въ византийскомъ мирѣ наблюдается поразительное явленіе, Европѣ давно неизвѣстное, именно массовое одичаніе, переходъ высоко-культурныхъ странъ въ некультурное, даже въ первобытное состояніе¹⁾. Съ другой стороны, трудность задачи для Византии лежала не въ отсутствіи «варваровъ», т. е. народовъ, не вкусившихъ греческой культуры, а наоборотъ, въ избыткѣ такихъ варварскихъ народовъ, особенно въ расовой ихъ разнохарактерности, болѣе того — въ наличіи у многихъ изъ нихъ своеобразныхъ мѣстныхъ культурныхъ традицій, наслѣдія долгой исторической жизни. При этихъ условіяхъ у восточныхъ варварскихъ народовъ, приобщенныхъ къ христианской культуре, съ первыхъ же усилшшихъ шаговъ начиналось то, что теперь принято называть національно-культурнымъ самоопредѣленіемъ,

опыт, ц. м., стр. 352—356) о традиціонномъ интересѣ византийскихъ государей къ высшей школѣ, впрочемъ далеко не безпрерывномъ или одинаково сильномъ, касаются лишь внѣшней стороны дѣла.

1) Н. Скабаланович мимоходомъ касается этого явленія, но лишь въ общемъ сужденіи и въ отношеніи славянскаго элемента, когда онъ пишетъ: «Пониженіе уровня образованности въ областяхъ было результатомъ столько этнографическихъ переноротовъ, соединенныхъ съ славянскими поселеніями, сколько же давленіемъ (sic) византийской централизаціи, убившей благосостояніе областей какъ экономическое, такъ и интеллектуальное» (*Византийская наука и школы въ XI вѣкѣ*, ц. ж., стр. 350).

и кадръ двигателей общевизантійской культуры убываль за уходомъ свѣжихъ «варварскихъ» силъ въ мѣстные культурные интересы. Конечно, общеніе не прекращалось. Отъ кипучей жизни обособившихся варварскихъ народовъ иногда избытокъ тѣмъ или инымъ путемъ, отчасти быть можетъ, подпочвеннымъ, т. е. нелитературнымъ, отливаль въ общее византійское русло, и тамъ иновродное, варварское порожденіе вызывало культурную борьбу, содѣйствовало нарожденію новой жизни. Какъ разъ къ началу интересующей насъ эпохи императоръ Алексѣй, этотъ «тринадцатый или, если ту же честь оказали бы Константину, во всякомъ случаѣ четырнадцатый апостоль» по опредѣленію Анны Комнинъ, огнемъ и мечемъ задушвлъ павликіанство, на армянское происхождение котораго указываютъ лучшіе источники¹⁾. Съ павликіанствомъ Ferd. Chalandon склопенъ связать и «еретическое ученіе Нила», «монаха, увлекавшагося изученіемъ св. Писанія и не свѣдущаго въ эллинской наукѣ», но, несомнѣнно, и для воспріятія и пропаганды его идей наиболее чувствительною оказалась «варварская» среда, опять таки армянская²⁾. Недостатка въ «варварскомъ» ферментѣ такимъ образомъ въ Византіи не было. «Варварскій» ферментъ, по всей видимости, содѣйствовалъ возникновенію византійскаго ренессанса въ XI-мъ вѣкѣ. Движеніе не ограничивалось предѣлами Царьграда. Связанное съ нимъ исканіе новыхъ путей, созданное имъ прогрессивное теченіе сказывалось въ другихъ пунктахъ имперіи, гдѣ также возникали однородныя школы, вызывавшіяся наличіемъ однородныхъ условий. Мимоходомъ напомнимъ, что къ XI-му вѣку относится возрожденіе интереса къ философіи и у армянъ въ лицѣ Григорія Магистра, къ сожалѣнію, мало изученнаго, переводчика между прочимъ ряда произведеній Платона на армянскій языкъ. Изъ писемъ грузинскаго писателя Ефрема Младшаго, подвизавшагося въ Сиріи на Черной горѣ, мы получаемъ ясное свидѣтельство о существованіи того же умственаго броженія въ Антиохіи, однихъ теченіяхъ, охранительномъ и прогрессивномъ, въ связи съ тѣмъ или инымъ отношеніемъ къ философскимъ занятіямъ. Тоже самое наблюдалось еще, вѣроятно же всего, въ Петрицкомъ монастырѣ также съ грузинской средою, откуда, надо думать, и пришлось бѣжать Іоанну Петрицкому, судя по его словамъ о преслѣдованіи со стороны грузинъ. Но Петрицскій монастырь былъ основанъ или

1) Ferd. Chalandon, ц. с., стр. 310. Впрочемъ французскій изслѣдователь какъ будто и самъ присоединяется къ похвальному отзыву Анны, говоря или повторяя (стр. 323) про Алексѣя, „что онъ былъ однимъ изъ тѣхъ талантливыхъ людей, которыхъ византійская имперія не разъ имѣла счастливый удѣлъ встрѣтить въ моменты, когда она въ нихъ нуждалась“, что „онъ сумѣлъ на время остановить «медленное распаденіе столь разнообразныхъ элементовъ, изъ которыхъ была образована имперія»“.

2) ц. с., стр. 317—318.

возобновленъ въ 1083 г. 1). Иоаннъ Петрицскій могъ успѣть предварительно быть изгнаннымъ греческими властями изъ Царьграда послѣ суда надъ учениками Иоанна Италя въ 1082-мъ году 2), если не имѣть въ виду третьяго суда въ 1084-мъ 3). Тѣмъ горше должно было быть для него враждебное отношеніе со стороны сородичей, и это горькое разочарованіе ярко выступаетъ въ его жалобѣ, гдѣ онъ мирится съ греческимъ насилиемъ, но не можетъ понять поведенія грузинъ. Впрочемъ въ Петрицѣ его должны были извергнуть изъ обителя, независимо отъ его прошлаго, прежде всего во исполненіе той приведенной нами въ началѣ статьи устава, по которой богословская наука въ мѣстной семинаріи допускалась лишь въ предѣлахъ потребностей монастырскаго священнослуженія. Вопросъ иной, не здѣсь ли возникли, тѣмъ не менѣе, первыя грузинскія работы Иоанна Петрицскаго по философіи? Не были ли онѣ вызваны необходимостью знакомить питомцевъ Петрицской семинаріи съ началами богословія на грузинскомъ языкѣ? Учениковъ, содержимыхъ на счетъ монастыря, по уставу полагалось шесть, но число своекоштныхъ слушателей могло значительно возрасти, когда во главѣ семинаріи стоялъ такой выдающійся ученый, какъ Иоаннъ Петрицскій, если вѣрять традиціи 4), извѣстный съ 1069-го года 5).

Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ безспорно грузинскою средою, но на нашъ взглядъ, въ этомъ и коренится интересъ, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ, въ Антиохіи и Петрицѣ, связь выдающихся грузинскихъ дѣятелей, и Иоанна, и Ефрема съ современнымъ философскимъ движеніемъ въ Византіи — наглядный фактъ. Вопросъ только въ томъ, насколько роль грузинъ въ этомъ дѣлѣ активна, т. е. не составляютъ ли они ингредиентъ того «варварства», которое служило благотворнымъ ферментомъ въ культурной жизни самой Византіи. Что «варварскій» элементъ, въ частности грузинскій, игралъ роль въ возрожденіи философіи въ Византіи XI-го вѣка, на это имѣется и одно греческое указаніе. Это свидѣтельство принадлежитъ перу того лица, на кого извѣстный авторъ *Очерковъ* по исторіи византійской образованности смотритъ «какъ на выражителя философской мысли въ концѣ XI-го вѣка 6)». Рѣчь объ Иоаннѣ

1) Н. Марръ, *Археумъ*, стр. 17.

2) Ф. И. Успенскій, *Дьявопроизводство по обвиненію І. Италя*, стр. 6, см. у насъ ниже, стр. 108, прим. 3.

3) Дим. Брянецъ, *Иоаннъ Италъ*, Вѣра и разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 320—321.

4) см. выше, стр. 54, прим. 2.

5) При ученомъ *Георгіи Святоториѣ*, скончавшемся въ 1066-мъ году, для одного Ивера на Афонѣ учащихся грузинъ, разнаго возраста, набрано было 80, см. *Житіе св. Георгія Святоториѣ*, изд. Тифл., стр. 324—326 сл.

6) Ф. Успенскій, стр. 151. Также въ общемъ высказывается о крупномъ значеніи того лица и Дим. Брянецъ, по словамъ котораго онъ «стоитъ какъ бы въ центрѣ ум-

Италѣ. Иоаннъ Италъ впрочемъ и самъ не былъ чистокровнымъ грекомъ: и этотъ «выразитель философской мысли Византии въ концѣ XI-го вѣка» былъ для грековъ варваръ, хотя и западный варваръ, по характеристикѣ Анны Комнинъ¹⁾. Для установленія восторжествовавшей партійной точки зрѣнія, истинно-византийской, необходимо привести эту характеристику, хотя бы въ извлеченіяхъ. Происходя изъ Италіи и, долго проживъ въ Сициліи, Иоаннъ Италъ потомъ попалъ въ Константинополь. Здѣсь — пишетъ Анна Комнинъ — «бесѣдуя со школьными преподавателями, людьми неподатливыми и грубыми по правамъ (были тогда въ столицѣ и такіе), онъ почерпнулъ отъ нихъ словесное образованіе. Впослѣдствіи слушалъ извѣстнаго Михаила Пселла, который хотя и не особенно много посѣщалъ ученныя школы, но природными способностями и острою ума, а, можетъ быть, и вслѣдствіе божьей помощи, достигъ вершины всякой мудрости, изучилъ эллинскую и халдейскую науку и былъ въ то время знаменитымъ ученымъ. Но занимаясь съ нимъ безъ правильной системы, Италъ не могъ проникнуть въ сущность философіи. Учителей онъ не выносивъ и не терпѣлъ ученья, полный же дерзости и варварскаго нахальства онъ считалъ себя выше всѣхъ и безъ науки и поспорилъ съ самимъ Пселломъ на первыхъ же урокахъ. Изучивъ же діалектику, ежедневно производилъ смятеніе въ публичныхъ собраніяхъ, подбирая софистическія остроты и излагалъ весь предметъ въ той же [софистической] «формѣ». «Когда же Пселлъ послѣ постриженія удалился изъ Константинополя, то, назначенный преподавателемъ всей философіи, Италъ получилъ титулъ ипата философовъ и занимался объясненіемъ сочиненій Аристотеля и Платона. Пользуясь славою многоначитаннаго человѣка, въ сущности онъ былъ по преимуществу слепъ въ изученіи перипатетиковъ, а главное въ діалектикѣ. Въ другихъ словесныхъ искусствахъ не имѣлъ особенныхъ свѣдѣній: въ грамматикѣ спотыкался и не вкусилъ нектара риторикѣ». «Вообще онъ былъ весьма невоспитанъ и слишкомъ подчинялся порывамъ; вселяя къ себѣ нѣкоторое уваженіе рѣчью, портилъ его и уничижалъ страстными порывами. Ибо разговоръ онъ велъ и языкомъ и руками, ему мало было привести собесѣдника въ недоумѣніе и заградить уста его молчаніемъ, рука его виѣплялась еще въ бороду и въ волосы и оскорбленіе слѣдовало за оскорбленіемъ». «Произношеніемъ своимъ онъ походилъ на иноземца, прибывшаго въ моло-

ственной жизни Византии конца XI вѣка. Благодаря его дѣятельности и его воззрѣніямъ общественная жизнь Византии получила сильный толчекъ» (Вѣра и разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 244).

1) Успенскій, п. с., стр. 151 сл. Д-м. Брянцевъ подробно останавливается между прочимъ на насмѣшкахъ его товарищей по ученію у Пселла надъ иностраннымъ выговоромъ І. Итала и незнаеміемъ риторикѣ (Вѣра и Разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 266—268).

дыхъ лѣтахъ изъ латинской страны, зналъ греческій языкъ, но не чисто произносилъ и коверкалъ нѣкоторые слоги. Нечистота и несовершенство рѣчи его замѣчались многими, настоящіе же ораторы смотрѣли на нее какъ на крестьянскую рѣчь». «Такой человекъ стоялъ во главѣ всей философіи и преподавалъ ее стекающемуся къ нему юношеству. Онъ раскрывалъ ученіе Прокла и Платона и философовъ Порфирія и Ямвлиха, въ особенности же сочиненія Аристотеля»... «Вотъ его ученики: Соломонъ, Иоаннъ, Іасяты и Сервилія и другіе, прилежавшіе къ ученію»... «Ни одной науки не знали они въ точности, выдавали же себя за діалектиковъ беспорядочными движеніями и странными кривляніями, не владея реальными знаніями, находили себѣ защиту въ *идеяхъ да въ смутныхъ теоріяхъ о переселеніи душъ* и въ другихъ странностяхъ. Господствуя среди вышеназванныхъ своихъ учениковъ, Италъ ко всему относился презрительно, многихъ неразумныхъ подстрекалъ къ возстанію и не мало выставлялъ тирановъ изъ своихъ учениковъ». «А какъ зловерное его ученіе раздѣлено было многими придворными и не мало болѣе заражено было его мнѣніями, и царя это очень обезпокаивало, то неправильное ученіе Итала, сведенное къ 11 положеніямъ, препровождено къ царю¹⁾. Эти положенія по приказанію царя были преданы проклятію съ амвона Великой церкви, причемъ народъ съ непокрытою головою выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его произнесеніемъ: анаѰема.... Такимъ образомъ, ученіе его съ тѣхъ поръ предается проклятію»..

По мнѣнію Ѳ. И. Успенскаго, Анна Комнина карикатурно характеризуетъ философа Итала²⁾. Но характеристика цесаревны отраженно уясняетъ и фигуру того торжествовавшего византизма, симпатія къ которому такъ очаровали Анну Комнину. Съ какимъ чувствомъ торжества сообщаетъ она между прочимъ, что при чтеніи съ амвона Великой церкви одиннадцати положеній противъ ученія Итала «народъ съ непокрытою головою выслушивалъ каждое положеніе и сопровождалъ его произнесеніемъ: анаѰема». Народъ съ непокрытою головою компетентно предавалъ анаѰемѣ, какъ теперь давно выяснено Ѳ. И. Успенскимъ, «свободу философскаго мышленія³⁾». Народъ привѣтствовалъ «наслѣдственное ограниченіе свободы

1) Они, какъ извѣстно, вошли въ синодикъ въ недѣлю православія (см. Ѳ. Успенскій, *Синодикъ въ недѣлю православія*, Одесса 1893, стр. 14—18).

2) и. с., стр. 157.

3) *Очерки*, стр. 171. Этого положенія по существу нисколько не измѣняетъ то, что по открытіи судебного дѣла объ Иоаннѣ Италѣ и его ученикахъ, Ѳ. И. Успенскій спѣшитъ удостовѣрить юридически-формальную безукоризненность веденія процесса со стороны властей. Въ этомъ смыслѣ, какъ далѣе выясняетъ Ѳ. И. Успенскій, правительство держалось легальной почвы, не переходило за предѣлы компетенціи свѣтскаго суда и т. д. (*Дипломатическое по обвиненію Иоанна Итала въ ереси*, Извѣстія Русск. Археолог. института въ Кон-

изслѣдованія и подчиненіе философскихъ идей цензурѣ церковнаго авторитета», и въ этомъ случаѣ компетенцію народа не подвергали сомнѣнію ни цесаревна Анна, ни большинство византийскаго общества¹⁾. Думалъ еще

стантинополѣ, II, Одесса 1897, стр. 5—6). Очевидно, съ точки зрѣнія актовъ этого византийскаго официального дѣлопроизводства, а не съ своей научной, какъ историка культуры, и называетъ *Θ. И. Успенскій* ученіе Итала «преступнымъ» (ц. с., стр. 4). Для нашей темы во всемъ разбирательствѣ захватывающей интересъ представляетъ въ качествѣ бесспорно искренняго момента глухо выраженное свидѣтельство о томъ, какъ даже судьи, члены послѣдняго собора по дѣлу, находили, что «нехорошо и неправильно было произведено судебное слѣдствіе противъ этого человѣка» (*Θ. И. Успенскій*, ц. с., стр. 36—37, *Дим. Брянцевъ*, ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 415). Не измѣняетъ положенія по существу и обстоятельно выясняемая *Дим. Брянцевымъ* ошибочность взглядовъ *И. Итала* и наличіе въ его мировоззрѣніи элементовъ заблужденія: иногда расходъ въ пониманіи *И. Итала* съ составителями одиннадцати главъ, напр. въ вопросѣ о воплощеніи (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. II, стр. 347), чаще соглашаясь вполнѣ съ ними (ц. с., ц. журн., 1905, т. II.—ч. I, стр. 198—203 сл.), *Дим. Брянцевъ* раздѣляетъ всегда ихъ убѣжденіе въ виновности философа. По другому мѣсту (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 307) какъ будто совершенно ясно, что въ отступленіи *И. Итала* отъ церковнаго ученія *Дим. Брянцевъ* усматриваетъ лишь печальное недоразумѣніе, вообще его интересуетъ вопросъ о прискорбной еретичности, а никакъ не проблемы свободнаго исканія философскихъ истинъ. Въ этомъ смыслѣ понятно, когда *Дим. Брянцевъ* заднимъ числомъ наставительно указываетъ *И. Италу*, что ему «слѣдовало какъ можно основательнѣе познакомиться съ догматическимъ ученіемъ церкви, проникнуться его духомъ и понять духъ философіи христіанскихъ учителей. Только въ такомъ случаѣ ему не грозила бы опасность увлечься языческими философами и начать проповѣдывать съ христіанскою каведры ихъ воззрѣнія». Между тѣмъ *Дим. Брянцевъ* самъ болѣе всего высвѣтляетъ неизбежность такого заблужденія, коренищающагося въ стойкости философскихъ убѣжденій византийскаго свободнаго мыслителя. Указавъ «тѣ пункты, въ которыхъ оказалась неправильность богословствованія *И. Итала*», *Дим. Брянцевъ* пишетъ (ц. с., ц. журн., 1905, т. II.—ч. I, стр. 236—237): «Всѣ они ясно обнаруживали, что въ нихъ *И. Италъ* твердо придерживался своихъ философскихъ взглядовъ. Въ нихъ онъ строго проводилъ тотъ же принципъ строгаго абсолютизма, который воспринялъ изъ философіи новоплатониковъ... Въ этихъ и въ другихъ богословскихъ взглядахъ всюду сказалося господство принципа языческой философіи надъ христіанскѣй доктриной. И въ этомъ отношеніи *И. Италъ* представляетъ собой наиболѣе яркій примѣръ увлеченія языческой философіею, обнаружившагося въ столь рѣзкихъ формахъ». Болѣе того, опираясь на изысканія *П. В. Безобразова* (Визант. временникъ, III, стр. 127—128), *Дим. Брянцевъ* даетъ себѣ ясный отчетъ въ томъ (ц. с., ц. журн., 1904, т. II.—ч. I, стр. 328), что «Италъ разграничивалъ области богословія и философіи и допускалъ возможность держаться самостоятельныхъ взглядовъ въ той и другой области». Однако, усматривая въ судѣ надъ *И. Италомъ* «самые благіе результаты» (ц. с., ц. журн., т. II.—ч. I, стр. 409), поскольку *И. Италъ* не только создался, но и всевѣмъ отказался отъ своихъ ложныхъ мыслей, найденныхъ въ вѣроисповѣданіи, *Дим. Брянцевъ* обходитъ молчаніемъ важнѣйшій культурно-историческій вопросъ: стояли ли инициаторы суда надъ *И. Италомъ* на высотѣ его научнаго развитія, требовавшего разграниченія области философіи отъ богословія, и, осудивъ мыслителя за вторженіе въ теологію, предоставили ли ему свободу чисто философскаго мышленія?

1) Намъ кажется чрезчуръ упрощеннымъ приемомъ историческаго изслѣдованія, когда, взваливая всѣ гибельныя прорѣхи византийскаго общества на одно чиновничество, усматривая коренныя причины паденія имперіи въ поборахъ и въ объясняемой, повидимому, только ими народной ненависти къ администраціи, русскій биографъ *Писелла* пишетъ: «Если вѣрнѣе обстоятельства, политика венеціанцевъ, походы турокъ-османовъ, играли нѣкоторую роль въ судьбахъ Восточной имперіи, не въ этомъ надъ искать коренныхъ причинъ ея паденія. Не турки погубили Византію, она сама себя погубила; погубили ее чиновники,

не сдаваться самъ философъ Италъ, но тоже общество тогда предало проклятію лично его, сочувствіе же, при томъ наиболѣе дѣйствительное, онъ встрѣтилъ въ одномъ абхазѣ, т. е. значить въ грузинѣ, такъ какъ въ это время абхазы были давно приобщены къ грузинской національной культурѣ, въ Абхазіи тогда было одно изъ средоточій кипучей грузинской церковно-литературной дѣятельности¹⁾.

Абхазъ (Ἀβασγός), къ которому обращается Италъ, былъ ученый или литераторъ (ὁ γραμματικός). Само обращеніе, по доступной мнѣ сейчасъ части, по извлеченію Θ. И. Успенскаго изъ Вѣнскаго рукописа (cod. philos.-philol. 203) въ *Синодикъ съ недѣлю православія*²⁾, гласить:

„То, что я слышалъ теперь отъ многихъ про тебя, ученѣйшій, я не считая чуждымъ твоему ко мнѣ расположенію и твоей крѣпкой дружбѣ, ибо я знаю, что ты и раньше заботился обо мнѣ и былъ наиболѣе громкимъ (μεγαλοφώνωτάτων) хвалителемъ и глашатаемъ моихъ (мыслей), почему, принявъ эти послышки (τάς ἀρχάς), имѣю, чѣмъ прерасно теперь умоаключить и доказать, что ты не становился инымъ, а остаешься тѣмъ самымъ, какимъ я тебя давно и понынѣ доподлинно знаю. Чего только ты не скажешь въ пользу друзей, горя дружбою и движимый (κινούμενος) искреннимъ расположеніемъ къ нимъ. Посему я, точнѣйшимъ толкователемъ твоихъ мыслей (τῶν σῶν), равно какъ твоей дружбы таковымъ же оставаясь [...] (τοιοῦτος ὑπάρχων [...?]), нѣкоторые же, иначе къ намъ расположенные, — какіе-то софисты и чужды правды. Ты самъ впрочемъ знаешь то, что я говорю, и тебѣ было извѣстно, что такъ обстоитъ (дѣло)“³⁾.

Очевидно, въ этомъ ученомъ абхазѣ мы имѣемъ весьма близкаго человека и стойкаго единомышленника греческаго философа Иоанна Итала. И когда съ другой стороны мы узнаемъ, что грузинскій неоплатоникъ Иоаннъ Петрицскій близокъ по направленію своей философской мысли къ нему, можетъ возникнуть вопросъ, не есть ли абхазъ, другъ Итала, и нашъ грузинскій философъ одно и тоже лицо?³⁾ Но вопросъ этотъ прежде-

не имѣвшіе ничего общаго съ народомъ, видѣвшіе въ немъ исключительно плательщиковъ, изъ которыхъ слѣдуетъ извлекать какъ можно больше денегъ способами, дозволенными и недозволенными. Народъ ненавидѣлъ администрацію больше, чѣмъ ненавидѣлъ онъ печенѣговъ и турокъ. Вотъ въ чемъ заключалось главное несчастіе Византійской имперіи» (П. В. Безобразовъ, *Византійскій писатель и государственннй дѣлатель Михаилъ Пселлъ*, Москва 1890, стр. IV).

1) Въ свою очередь абхазы, давно находившіеся въ тѣснѣйшей связи съ Византіею и подъ непосредственнымъ культурнымъ ея вліяніемъ, надо думать, были издавна проводниками византійской образованности въ грузинскую среду.

2) ц. изд., стр. 65.

3) Если бы новые матеріалы или болѣе глубокая изысканія дали возможность отвѣтить утвердительно на вопросъ, то преслѣдованіе со стороны грековъ, на которое жалуется Иоаннъ Петрицскій, пришлось бы поставить въ связь съ царскимъ «опредѣленіемъ» въ

времененъ, такъ какъ, судя по преданію, у грузинъ въ ту эпоху существовалъ не одинъ «извѣстный философъ». Отъ католикоса Антонія I-го мы узнаемъ о существованіи десятка выдающихся грузинскихъ мыслителей съ половины XI-го по первую четверть XII-го вѣка. Такъ про о. Θεοφιλα, жившаго въ 1050-мъ году, католикосъ Антоній говоритъ, что «блестящій» представитель философіи, онъ «былъ достоинъ того, чтобы сопричислиться современнымъ философамъ—Іоанну, Ефрему и Арсенію¹⁾». Еще въ 1041-мъ году преставился Иларіонъ Тулайскій, посвятившій Георгія (Аѳонца), учителя всѣхъ грузинъ, въ мудрость и закалившій его въ сугубой философіи, практической и теоретической²⁾. Георгій Дивногорецъ, «мудрый учитель, божественный философъ»³⁾, скончался въ 1068-мъ году. Черезъ годъ умеръ отецъ Стефанъ, котораго католикосъ Антоній предлагаетъ почитать «какъ мудреца, такъ какъ онъ точно снѣжные хлопья разсыпаетъ свѣтъ философіи»⁴⁾. Въ 1082-мъ году преставился Арсеній Святогорецъ на Аѳонѣ: «риторъ, великій философъ», «славившійся вездѣ за свой слогъ»; «онъ былъ предметомъ похвалъ и среди грековъ»⁵⁾. Въ 1098-мъ году скончался на Аѳонѣ же Георгій, настоятель Иверскаго монастыря послѣ Георгія переводчика, «грамматикъ, риторъ, философъ»⁶⁾. Современникъ его Арсеній Икалтойскій, духовникъ Давида Строителя, оказывается энциклопедистомъ: онъ прославленъ познаніями по физикѣ, по анатоміи, философіи, логикѣ и діалектикѣ⁷⁾.

Если даже придавать значеніе имени переводчика Прокла «Іоаннъ» ввиду того, что въ числѣ учениковъ Итала цесаревна Анна называетъ и

актъ передачи дѣлопроизводства объ I. Италѣ и его ученикахъ церковной власти. Оно гласитъ:—«опредѣляемъ: Всякій, кто приметъ въ собственномъ домѣ, ради преподаванія, Итала или тѣхъ его учениковъ и приверженцевъ ихъ, которые святымъ и великимъ соборомъ изобличены будутъ, какъ его преимущественные ученики, или кто будетъ посѣщать ихъ дома ради ученія, каковаго бы ни былъ онъ состоянія, немедленно подвергается изгнанію изъ царствующаго города на вѣчныя времена, причемъ всякій имѣетъ право доносить на такихъ лицъ царству моему, ибо мы рѣшились прекратить или лучше вполнѣ уничтожить нечестіе и съ этою цѣлью приказываемъ подвергать изгнанію вмѣстѣ съ началомъ слѣдствія. Такъ тому быть» (ц. с., стр. 58, ср. стр. 5). Само собою понятно, нашего Іоанна Петрицкаго не пришлось бы ставить на одну доску съ пятью діаконами, Михаиломъ Мацу, Мих. Докосатри, Мих. Циромъ, Іоанномъ Гагрономъ и Евстратіемъ, также учениками I. Итала, которые были оправданы на томъ основаніи, что они «по благодати Божіей оказались непричастны всякаго нечестиваго ученія и дѣянія» (ц. с., стр. 66, ср. стр. 8—9, см. также Дим. Брянецъ, ц. с., Вѣра и разумъ, 1904, т. II. — ч. I, стр. 441).

1) *წიგნი ივერთაჲსი*, 750.

2) *ib.*, 707.

3) *ib.*, 721.

4) *ib.*, 729.

5) *ib.*, 713, 2, 714, 1—2.

6) *ib.*, 719, 2.

7) *ib.*, 756.

нѣкоего Іоанна, то помимо Іоанна Петрицкаго у грузинъ извѣстны еще два одноименныхъ философа.

Про одного изъ нихъ, Іоанна Таричис-дзе, современника Давида Строителя, католикосъ Антоній говорить, что онъ былъ великъ въ мудрости, философъ, богословъ, риторъ¹⁾. До насъ, предполагается, дошла «Діалектика» Іоанна Таричис-дзе въ спискѣ 1760-го года, принадлежащемъ бібліотекѣ Общества распространія грамотности среди грузинъ, въ Тифлисѣ (№ 131): Жорданія указываетъ на любопытное явленіе, именно на то, что «силлогизмы въ этомъ трудѣ обозначены арабскими терминями», но приводимыя тутъ же историкомъ Жорданію примѣры мало похожи на арабскія слова²⁾. Другого Іоанна, въ мірѣ бывшаго Патрикомъ, католикосъ Антоній называетъ:

«переводчикомъ книгъ, божественнымъ философомъ», «вѣнцомъ грузинской церкви, прославленнымъ *среди грековъ*»³⁾.

Материалы такимъ образомъ прибавляются. Дѣло будущаго разобратся детально въ нихъ, преумноживъ и правильно освѣтивъ фактическія данныя соответственными разысканіями въ рукописяхъ.

Фактъ же тотъ, что не только возрожденіе неоплатонизма въ Византіи находятъ непосредственный живой откликъ въ современныхъ грузинскихъ

1) ib., 762, 1, 763, 2—3, см. также у Жорданіи, ქრონიკება და სხვა, I, стр. 237, цитату изъ предисловія *Грамматики* католикоса Антонія I. Въ печатномъ ея изданіи (Тифлисъ 1885) этого отрывка въ предисловіи нѣтъ.

2) ქრონიკება და სხვა, I, стр. 237: «ამანამა, კერძანსიველი, დარბობ, კვინილო, ბელანგევი, ელენქოცი, კეცხეცებ, დელალო, ვეცხეცოლი, კელსილონი, ბელანგელოცი, დარბობი, დამბოლი, პიანქიარ, კვინილონი და др.». Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ «терминовъ» мы могли бы скорѣе признать подобіе армянскихъ словъ, если бы у насъ была полная увѣренность въ правильности печатныхъ чтеній Θ. Жорданіи. Въ то же время и въ томъ видѣ, какъ они читаются въ извлеченіи Θ. Жорданіи, названія эти страннымъ образомъ проявляютъ кое-какое созвучіе съ формулами западныхъ схоластиковъ, и потому было бы крайне желательно внимательнѣе обследовать названную грузинскую рукопись, а также рукописи той же бібліотеки 1765 г. за № 1110, 1778 г. за № 1593 и безъ датъ №№ 255 и 271 (см. Д. Каричавили, კატალოგი, стр. 263) и прочіе установить происхожденіе и время самого памятника. Грузинскія формулы мы воспроизводимъ въ транскрипціи съ западно-схоластическими эквивалентами (по Прантлю) подстрочно: первая два мѣста III-ей формулы остаются безъ грузинскихъ соответствій, надо думать, за несполнотою извлеченія Θ. Жорданіи, у котораго къ тому же elanqoḥ (IV. 2) приводится въ видѣ elenqoḥ передъ kevnasser (II. 2):

I.	{	груз. barbara, kerpqardel, dariṭir, verindo.
	{	з.-сх. barbara, celarent, darii, ferio.
II.	{	груз. balangij'oḥ, kevnasser, dalimil, vages'ḥol.
	{	з.-сх. baralipton, celantes, dabitiss, fapesmo.
III.	{	груз. — — velszigor, balxorḥdovs (ЖК.: bḡlxorḥdovs).
	{	з.-сх. cesare, campestris, festino, baroco.
IV.	{	груз. dargarir, elanqoḥ, dimramiḥ, damiḡir, shobaqor, evrimzon.
	{	з.-сх. darapti, felapton, disamis, datissi, bocardo, ferison.

3) წიგნბადასტუმარობა, 725, 4, 726, 3—4. По Пл. Гюсселиани (и м., примѣч.) скончался на Афонѣ въ 1075 г., см. выше, стр. 54.

кругахъ, но въ числѣ участниковъ этого философскаго движенія намѣчается въ самой Византіи грузинскій элементъ.

Для знакомыхъ съ совершенно сырыми пока грузинскими матеріалами, позволяющими намѣтить хотя бы въ общихъ чертахъ реальныя теченія древне-грузинской мысли, въ выясняемомъ фактѣ нѣтъ ничего неожиданнаго. Въ грузино-греческихъ кругахъ X—XI-го вѣковъ шла также работа, что раньше, приблизительно на протяжении VII—VIII вѣковъ въ армяно-греческихъ кругахъ¹⁾: въ обоихъ случаяхъ образовалась *mutatis mutandis* такая же атмосфера съ двумя враждебными теченіями, какую изслѣдователи христіанства отмѣчаютъ въ болѣе древнее время на пепелищѣ античнаго міра. Въ римской имперіи тогда «были съ одной стороны въ большинствѣ первичныя общины», державшіяся въ основѣ архаичной концепціи христіанства, какъ «религіи суровыхъ нравственныхъ подвиговъ и строгой нравственной дисциплины, простой любви къ Богу и не изощренной (*unelaborated*) вѣры въ Иисуса Христа; съ другой стороны, были новыя общины и новые члены старыхъ общинъ съ ихъ концепціею знанія рядомъ съ вѣрою и съ ихъ тенденціею къ умозрѣніямъ рядомъ съ принятіемъ преданія. Столкновеніе было неизбежно»²⁾.

Въ грузино-греческихъ кругахъ X—XI-го вѣковъ даже у традиціоналистовъ не могло быть, конечно, полной отрѣшенности отъ тенденціи къ умозрѣніямъ, но они довольствовались принятіемъ результатовъ древнихъ теоретиковъ христіанскаго богословія. Новые же члены этихъ грузино-греческихъ круговъ, пріобщившіяся непосредственно къ греческой философіи въ ея неоплатонической формѣ, были охвачены стремленіемъ пересмотра рѣшенныхъ вопросовъ. Въ этой жизненной борьбѣ грузино-греческихъ круговъ, еще до Ефрема и до Иоанна Петрицкаго, немаловажную роль сыгралъ Евѣмій Святогорець. Въ изслѣдованіи *Дняній трехъ святыхъ близнецовъ мучениковъ Спесина, Еласина и Меласина* мною уже указано (стр. 306), что «Евѣмій Святогорець Иверъ (X—XI) не

1) Армянская литература по философіи нуждается въ коренномъ пересмотрѣ. Для такого пересмотра почву готовятъ и въ значительной степени уже подготовили работы о. Галуста Теръ-Мкртчяна (Міабана) и Я. А. Манандяна. Любопытныя данныя и наблюденія по вопросу о философѣ Давидѣ находимъ у Я. А. Манандяна, *Գաղտիս Երևանցիի Գրքի մասին* (Գաղտիս Երևանցիի Գրքի մասին հետազոտություններ), Вагаршапатъ 1904 (отд. отт. изъ Арабата, 1904, фев.—июль). Для насъ здѣсь интересно отмѣтить, что въ трудахъ приписываемыхъ цѣликомъ Давиду, одни оказываются неоплатоническими, а другіе носить характерные признаки аристотелизма. Я. А. Манандянъ подлиннаго Давида считаетъ неоплатоникомъ [см. Krumpholtz, *Geschichte der B. d. 3*, стр. 432] и потому отказываетъ ему въ авторствѣ Токованій къ *Камеюріямъ* и *Пери-ермийи*.

2) Edw. Hatch, *The Influence of Greek Ideas and Usages upon the Christian Church*, 1901, стр. 132.

первое лицо, съ которымъ преданіе связываетъ культурную дѣятельность грузинъ въ Византію». Къ названному тамъ св. Иларіону Грузину, дѣятелю VIII—IX-го вѣка, слѣдуетъ прибавить и имя Захаріи Мирдатис-дзе, современника Баграта IV (980—1014). Про него, философа-ритора, католикосъ Антоній между прочимъ сообщаетъ:

«переводчикъ книгъ, великій среди грековъ, а среди грузинъ справедливо и достойно должно назвать его солнцемъ»¹⁾.

О писателяхъ-современникахъ его, интересовавшихся философіею, но подвизавшихся только въ самой Грузіи, какъ то Арсеніи Нинодциндскомъ, Іоаннѣ Болнисскомъ и другихъ, можно здѣсь умолчать.

Если бы французскій изслѣдователь Zotenberg располагалъ нашими свѣдѣніями при рѣшеніи вопроса о *Душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ*, то вмѣсто извѣстнаго опрометчиваго сужденія о качествахъ невѣдомаго ему грузинскаго языка, быть можетъ, онъ самъ предложилъ бы ясную, болѣе обоснованную датировку *Душеполезной повѣсти*. Между прочимъ неправильное толкованіе давалось тому факту, что въ *Повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* оказался использованнымъ, безъ измѣненія воспринятымъ пространнѣй отрывокъ изъ *Апологіи* Аристиды. Изслѣдователи находили возможнымъ утверждать, что авторъ *Душеполезной повѣсти* писалъ въ древности, что иначе онъ будто не воспользовался бы такою древнею апологіею. Между тѣмъ, наоборотъ, въ духѣ именно поздняго византизма пользоваться древними текстами безъ измѣненій въ борьбѣ съ новыми или возрожденными теченіями. Вспомнимъ, какъ еп. Николай Меопскій, писатель XII-го вѣка, для борьбы съ вымиравшимъ неоплатонизмомъ удовольствовался воспроизведеніемъ подъ своимъ именемъ готовой критики Проклова учебника, принадлежащей Прокопію Газскому, дѣятелю V-го вѣка. Именно въ эту эпоху, въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ, въ грузино-греческихъ образованныхъ кругахъ интересовались тѣми вопросами, которые Zotenberg съ точки зрѣнія общей церковной исторіи совершенно правильно датировалъ временемъ до Іоанна Дамаскина, такъ напр. опредѣленія свободнаго выбора и термина βούλή, равно дальнѣйшія сродныя разсужденія, какъ указалъ и Zotenberg²⁾, авторомъ *Душеполезной повѣсти* цѣликомъ выписаны или передѣланы изъ сочиненія Немесія *О природѣ человека*, т. е. изъ того сочиненія, которое интересовало грузино-греческіе круги X—XI-го вѣка: оно дошло до насъ въ точномъ грузинскомъ переводѣ нашего же философа, Іоанна Петрицкаго. Вообще не только

1) *Грузинскій языкъ*, 702, 4—5.

2) *Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph*, Парижъ 1886, стр. 27—28.

авторство Евѳимія Грузина, но и реальное, жизненное значеніе самой *Душеполезной повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ* начинаетъ становиться болѣе яснымъ въ свѣтѣ философско-богословскихъ интересовъ, волновавшихъ грузино-греческіе круги X—XI-го вѣковъ.

Но къ этому вопросу придется вернуться особо.

Пока же сочту свою задачу выполненною, если предложенные общему вниманію факты и сужденія достаточно ясны и доказательны, чтобы сдѣлать слѣдующее заключеніе:

Грузины въ X-мъ и XI-мъ вѣкахъ интересовались въ области философіи тѣми же вопросами, какіе занимали передовые умы тогдашняго христіанскаго міра какъ на Востокѣ, такъ на Западѣ, съ тѣмъ отличіемъ отъ другихъ, напр. отъ европейцевъ, что тогда грузины отзывались раньше другихъ на болѣе новыя теченія философской мысли и работали во всеоружіи образцовой для своего времени текстуальной критики непосредственно надъ греческими подлинниками.

Н. Марръ.

2 марта 1909 г.